ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 49 | 1 ОКТЯБРЯ 1903 ГОДА | № 49

КРАСНЫЙ С'ЕЗД [1] В КРАСНОЙ СТРАНЕ.

Приветствуя многочисленных делегатов, со всех концов Германии с'ехавшихся в Дрезден, представитель дрезденского «местного комитета», товарищ Кадэн, заметил, что саксонцы показали себя достойными той чести, которую германская социал-демократия сделала их стране, созвав в ее столице свой партийный с'езд нынешнего года. Это замечание, конечно, как нельзя более справедливо. На последних выборах в рейхстаг сознательный пролетариат Саксонии одержал такую великую, такую блестящую победу, о какой вряд ли мечтали в его среде даже самые крайние оптимисты. Из 23 мест, занимаемых в рейхстаге депутатами от Саксонии, 22 принадлежат теперь социал-демократам.

Саксония — поистине красная страна, как назвал ее в своей речи товарищ Кадэн. Но если эта красная страна в самом деле была вполне достойна чести принимать у себя представителей великой германской армии пролетариата, то эти представители, делегаты с'езда, со своей стороны, за небольшими исключениями, показали себя вполне достойными чести заседать в «красной стране». Дрезденский с'езд по всей справедливости может быть назван красным с'ездом. Важнейшее из его решений относится к так называемому в Германии ревизионизму — бернштейнианству тож — и представляет собою смертный приговор этому направлению. За этот приговор всемирная социал-демократия должна быть глубоко благодарна дрезденскому с'езду: он оздоровит социал-демократическую атмосферу в Германии и уже одним этим окажет в высшей степени благотворное влияние на ход международного социалистического движения. Враждебная ревизионизму резолюция красного с'езда является хорошим предзнаменованием для международного социалистического конгресса будущего года. Англичанин Джонс, говоривший в Дрездене от имени английской Социал-демократической Федерации, недаром сказал, что национальный германский с'езд имеет большое значение для борющегося пролетариата всего мира.

Происходившая на с'езде борьба мнений принимала подчас очень резкую форму, а нападки ревизионистов на Франца Меринга, — провинившегося на этот раз лишь беспощадным разоблачением их промахов и ошибок, — имели прямо отталкивающий характер. Поэтому некоторые добрые, но слабонервные люди получили от с'езда очень тяжелое впечатление, граничащее даже с полным разочарованием. Но винить в этом нужно не с'езд, а только слабые нервы этих добрых людей. Выходки нападавших на Меринга ревизионистов были, без сомнения, отвратительны. Но они свидетельствовали лишь о безвыходном положении этих почтенных героев «критики» и никоим образом не могут быть поставлены на счет германской социал-демократии вообще или дрезденскому с'езду в частности. А что касается направленных против ревизионизма страстных речей Бебеля и некоторых его ближайших единомышленников, то на всякого здорового человека они могли произвести только самое отрадное, самое ободряющее впечатление. Удивительно не то, что левое крыло германской социал-демократии позволило себе решительно и страстно напасть на ревизионистов, а то, что оно до сих пор считало нужным церемониться с ними. Уже несколько лет тому назад, когда теоретик германского ревизионизма Э. Бернштейн только что начал свою так называемую критику марксизма, газета «Sächsische Arbeiter-Zeitung» [2] напечатала ряд статей, в которых доказывалось, что теперь речь идет о том, кто кого похоронит: Бернштейн немецкую социал-демократию или немецкая социал-демократия Бернштейна. Тогда эти статьи, написанные одним русским социал-демократом, показались слишком резкими и несправедливыми едва ли не всем без исключения немецким марксистам, а их главная мысль была встречена большинством читателей как парадокс, подсказанный крайним полемическим увлечением. Теперь наши немецкие товарищи сами видят, что торжество ревизионизма означало бы гибель социал-демократии, как партии революционного пролетариата, и решение, принятое дрезденским с'ездом по вопросу о тактике, является, как мы сказали выше, смертным приговором бернштейнианству. Парадокс оказался очень похожим на истину. И если пока еще никто из германских социал-демократов не заговаривает о похоронах г. Бернштейна, т. е. об исключении его из партии, то это об'ясняется, по всей вероятности, тем, что сбитый со всех своих теоретических позиций, покинутый почти всеми своими сторонниками и постоянно все сильнее и сильнее компрометирующий самого себя свойственною ему беспредельной бестактностью, этот комичный рыцарь печального образа кажется им несравненно более жалким, чем опасным. Для нас нет ни малейшего сомнения в том, что они очень ошибаются. Г. Бернштейн до сих пор вовсе не так безопасен для их партии, как они думают. Он еще не мало повредит ей. Но это другой вопрос, о котором мы поговорим с читателем, когда г. Бернштейн снова напомнит своим слишком добродушным товарищам о своем «критическом» уме какою-нибудь новой, более или менее громкой, бестактной выходкой. Мы убеждены, что ждать придется недолго *. Теперь же речь идет

* Статья эта была набрана, когда телеграф принес известие, что второй избирательный округ Берлина требует исключения из партии гг. Бернштейна, Брауна и Герэ. В добрый час!

у нас собственно о страстности, обнаруженной защитниками «ортодоксии», и мы утверждаем, что она должна не огорчать, а радовать всех тех, кому в самом деле дороги интересы пролетариата. Без страсти не делается ничего великого в истории, и успешно бороться с крупным общественным злом может только тот, у кого течет горячая кровь в жилах.

Международные любители «товарищеских приемов в полемике» никак не могут понять, что «ортодоксы» в сущности совсем не товарищи ревизионистам и должны вести смертельную борьбу с ними, если только не желают изменить своему собственному делу. Между этими двумя направлениями лежит глубокая и непереходимая пропасть. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить, например, вышеупомянутую резолюцию дрезденского с'езда с тем, что проповедывал тот же несравненный г. Бернштейн в своей пресловутой книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus» [3].

Дрезденский с'езд беспощадно и решительно осудил «всякое стремление затушевать существующие и все растущие классовые противоречия». Г. Бернштейн очень усердно, хотя и безуспешно, затушовывал эти противоречия с помощью тех статистических софизмов и тех теоретических паралогизмов, которые в таком изобилии запасены были новейшими апологетами капитализма.

Дрезденский с'езд самым категорическим образом высказался против «политики приспособления к существующему порядку вещей», противопоставив ей старую тактику партии, увенчавшуюся такими крупными победами и основывающуюся на классовой борьбе»; г. Бернштейн был самым усердным пропагандистом и самым настойчивым защитником «политики приспособления».

Дрезденский с'езд об'явил, что социал-демократия должна оставаться партией социальной революции; г. Бернштейн настойчиво приглашал ее превратиться в партию социальной реформы.

Одним словом, взгляды г. Бернштейна коренным образом противоречат учению революционного социализма; поэтому всякая попытка примирить это учение с его взглядами самым существом дела заранее осуждена на полнейшую неудачу. И чем более наши немецкие товарищи, оставшиеся верными революционному социализму, убеждаются в совершенной непримиримости своей программы со взглядами г. Бернштейна, тем страстнее оспаривают они эти взгляды и тем энергичнее борются они с ревизионистами. Иначе и быть не может. Было бы очень странно и очень печально, если бы было иначе. «Товарищеская полемика» немыслима между такими людьми, которые по самому положению вещей должны быть непримиримыми врагами.

Любители «товарищеской полемики» охотно распространяются также на тему о свободе мнений. «Социал-демократия не может ограничивать право критики», — говорят они. И это, конечно, верная мысль, но применяется она в данном случае совершенно неправильно. Если бы социал-демократия с презрением выбросила из своих рядов г. Бернштейна тотчас же после выхода в свет его вышеназванной книги, то этот факт, — последствия которого, наверно, были бы для нее очень полезны, — нисколько не помешал бы ей оставаться вернейшей защитницей свободы мысли и слова. Свобода мысли и слова обеспечивается вовсе не тем, что люди противоположных мнений мирно уживаются в рядах одной и той же партии, а тем, что законы страны дают всем партиям право думать все, что они хотят, и говорить все, что они думают. Выбросив из своих рядов г. Бернштейна или какого-нибудь другого ревизиониста, договорившегося до буржуазных теорий, немецкая социальная демократия отнюдь не посягнула бы этим на непререкаемое право этого господина критиковать какие ему угодно воззрения. Она только воспользовалась бы своим собственным правом принимать в свою среду только людей, признающих ее собственные взгляды. Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук. «Философствовать значит не действовать; действовать значит не философствовать» (thun ist nicht philosophiren; philosophiren ist nicht thun), — справедливо замечает где-то Фихте. Пока я философствую, я не действую, а пока я не действую, люди дела не имеют никакого права спрашивать у меня отчета в том результате, к которому привела меня работа моей философской мысли. Но когда я начинаю действовать, я перестаю философствовать, и тогда те люди дела, с которыми мне хотелось бы сойтись, не только имеют полное право, но обязаны спросить меня, к какому именно выводу я пришел и не противоречит ли мой вывод их практическим задачам. Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников. Как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным. Навязывать партии, во имя свободы мнений, таких членов, которые не разделяют ее взглядов, значит стеснять ее свободу выбора и мешать успеху ее действий.

Само собою разумеется, что единомыслие обязательно только в существенных для партии вопросах. Но ни в теории всемирной социал-демократии, ни в ее практике не было, нет и не может быть вопросов, имеющих для нее более существенное значение, чем те, о которых так горячо спорят ортодоксы с ревизионистами. От их решения в ту или другую сторону зависит вся ее будущность.

До каких неслыханных нелепостей доходят ревизионисты, желающие наградить социал-демократию благами неограниченной «свободы мнений», показывает следующий курьезный пример, который показался бы нам совершенно невероятным, если бы он не был совершенно достоверным. Когда в немецкой социал-демократической печати разгорелся знаменитый отныне спор о «вице-председательстве», товарищ (гм! гм!) Пеус неожиданно высказал ту мысль, что, добиваясь для одного из своих членов вице-председательского места, социал-демократическая фракция в рейхстаге не должна смущаться тем непременным условием, на котором ей только и могло бы достаться это место: обычным визитом во дворец для выражения верноподданнических чувств императору. В подтверждение этой, крайне странной в устах социал-демократа, мысли товарищ (?!) Пеус выдвинул тот довод,

что хотя, конечно, Вильгельм II всегда и грубо нападает на социал-демократов, но, с другой стороны, и за императором должна быть признана свобода мнений. Это поистине бесподобно! Гнитесь в три погибели и почтительно шаркайте перед тем, кто поносит вас лживой и грубой бранью. Если вы откажетесь поступать так, то товарищ (нечего сказать, очень умный товарищ!) Пеус обвинит вас в посягательстве на свободу чужого мнения. О, свободолюбцы! Дальше этого итти уже некуда, потому что, — к сожалению или к счастью, — область абсурда тоже имеет свои пределы.

Некоторые горько сожалеют еще о том, что старый спор о тактике возгорелся в германской партии так скоро по окончании июньских выборов: им было будто бы испорчено грандиозное впечатление блестящей победы, одержанной социал-демократией. Но, во-первых, на этот раз, — как и всегда, — спор начат был не ортодоксами, а ревизионистами, которые, в лице неутомимо-бестактного г. Бернштейна, стали советовать социал-демократии поступать, — по выражению сатирика, — применительно к подлости, а во-вторых, победа над внешними врагами отнюдь не должна была мешать ортодоксам стремиться к победе над врагом внутренним, угрожавшим самому ее существованию как революционной партии сознательного пролетариата. Если бы за беспримерную июньскую победу надо было заплатить постыдной ценою мира с ревизионистами, то эта победа стоила бы партии слишком дорого. Но после июньской победы мир с ревизионистами стал возможен менее, чем когда бы то ни было. «Ортодоксы» нравственно должны были предостеречь победоносный пролетариат от той тактики, которая завела бы его в болото оппортунизма и сделала бы бесполезными все его великие успехи, бесплодной всю его несокрушимую энергию. Энергичный отпор ревизионистам был для «ортодоксов» политической обязанностью и психологической необходимостью. И вот почему сравнительно ничтожные поводы, участие некоторых ревизионистов в буржуазных органах, клеветавших на социал-демократию, и смешные разглагольствования ревизионистского Санчо Пансы о том, что социал-демократия могла бы с большей пользой для себя и без всякого ущерба для своего нравственного достоинства проделывать верноподданные книксены перед императором, — вызвали против ревизионистов такую бурю негодования, какая еще ни разу не разражалась в среде наших сдержанных немецких товарищей. Вынесенный красным с'ездом смертный приговор ревизионизму надлежащим образом увенчал июньскую победу германского пролетариата. Без него она была бы неполна.

Мы горячо рукоплещем красному с'езду; но мы не хотим обманывать себя слишком розовыми надеждами. Ревизионизму вынесен смертный приговор. Это очень хорошо. Но приговор этот имеет, собственно говоря, пока только нравственное значение. Ревизионисты по-прежнему занимают сильные позиции в партийной организации и это очень плохо, потому что они наверно воспользуются этими позициями для новых попыток в пользу своей тактики. По правде сказать, мы думаем, что дрезденский с'езд был в состоянии сделать больше, чем сделал, для ослабления практического влияния ревизионистов.

Надо заметить, впрочем, что вопрос о позициях, занимаемых ревизионистами в германской партии, очень сложный вопрос. Его нельзя разрешить одним постановлением с'езда. Дело в том, что рабочий класс не может обойтись без услуг так называемых в Германии академиков — по нашему интеллигенции. Но немецкая интеллигенция сильно пропитана буржуазным духом. Даже те «академики», которые разрывают с господствующими классами и переходят на сторону пролетариата, по большей части приносят с собою не малый запас буржуазных предрассудков. Поэтому буржуазная «критика» революционного социализма обыкновенно производит на них чрезвычайно сильное впечатление. Академики, переходящие в ряды пролетариата, можно сказать, от рождения склонны «критиковать Маркса». А так как их образование дает им возможность занимать в партии влиятельное положение агитаторов, публицистов, редакторов и т. п., то и выходит, что унтер-офицерские и офицерские места в рабочей армии очень часто принадлежат именно ревизионистам. Это прекрасно выяснилось на дрезденском с'езде. Но там же выяснилось и то отрадное для всякого революционера обстоятельство, что между тем как офицеры и унтер-офицеры великой армии труда сочувствуют ревизионизму, ее рядовые — организованные рабочие в собственном смысле этого слова — в своем огромнейшем большинстве стоят за революционную тактику и резко осуждают ревизионизм со всеми его буржуазными симпатиями и со всей его будто-бы практичной близорукостью. Только поэтому ревизионизм до сих пор и не принес германской партии того страшного вреда, который он мог бы принести ей при других условиях: оппортюнистические стремления «академиков» разбивались о революционное настроение рабочей массы. Но такое положение дел во всяком случае ненормально и очень опасно. В XVI веке, во время великой «крестьянской войны», незнакомые с военным делом крестьяне по необходимости пользовались услугами перебежчиков из среды мелкого дворянства, которому это дело было, наоборот, очень хорошо известно. Отрядами восставших крестьян сплошь да рядом предводительствовали взбунтовавшиеся дворяне. Но дворянское недовольство было гораздо менее глубоко, чем крестьянское. Поэтому дворяне далеко не были такими последовательными революционерами, как крестьяне. У каждого из них жило, как у Фауста, по две души в груди. Их можно назвать ревизионистами той эпохи. Связанные тысячью духовных нитей с тем самым классом, против которого восставали предводимые ими крестьяне, они легко примирялись с ним и нередко снова переходили на его сторону, оставляя на произвол судьбы свои крестьянские отряды. Энгельс говорит, что этим об'ясняются многие неудачи крестьян. В последние годы мы невольно и часто вспоминали это замечание Энгельса, видя, как охотно встречают западно-европейские академики, перешедшие под знамя социализма, всякие попытки «пересмотреть» учение Маркса, т. е., на самом деле, ослабить значение и влияние той теории, которая является наилучшим в настоящее время идеологическим выражением революционных стремлений пролетариата. Мы понимали, что причина этого печального явления лежит в буржуазном происхождении «академиков», и мы часто спрашивали себя: как же справится западно-европейская социал-демократия с затруднением, заключающимся в необходи-

мости предоставлять влиятельное положение в партийной организации людям, по своему происхождению и воспитанию склонным скорее бояться революционных стремлений пролетариата, чем поддерживать их? Очевидно, что выйти из этого затруднения необходимо, но не менее очевидно, что выход из него найти нелегко. Оно еще не один раз напомнит о себе немецкой и всей вообще западной социал-демократии. Говорим — Западной, так как в России положение дел теперь другое, и ее интеллигенция настроена гораздо более революционно, чем западно-европейская. Но что и она не чужда, к сожалению, сродства с ревизионизмом, это известно всем не «беззаботным насчет литературы».

Дрезденский с'езд обратил большое внимание на это затруднение. В этом состоит одна из многих его заслуг. Ортодоксы, выступавшие на нем против ревизионистов, настойчиво повторяли, что влиятельные места в организации могут быть предоставляемы только тем «академикам», которые усердной службой в качестве простых рядовых показали, что умеют твердо держаться точки зрения революционного пролетариата. Мы считаем эту меру безусловно необходимой, но боимся, что она будет недостаточна. Если все становящиеся на сторону рабочего класса «академики» будут находиться под влиянием буржуазных теорий, то партии поневоле придется быть снисходительной в своем выборе, т. е. открывать дверь новым разновидностям ревизионизма. Чтобы уменьшить эту опасность, обусловленную неблагоприятными для пролетариата общественными отношениями, нужно аттаковать врага на его собственной территории. Против теоретиков буржуазии, «критикующих Маркса», должны выступить фаланги теоретиков пролетариата, критикующих новейшие буржуазные доктрины. А для того чтобы у пролетариата явились такие теоретики, международной социал-демократии следует прежде всего отделаться от той ложной деловитости, которая выражается в пренебрежительном отношении к теории и которая в последние годы распространялась в ее среде буквально как злая зараза. Только влиянием этой ложной деловитости и об'ясняется то непонятное на первый взгляд обстоятельство, что ревизионисты так долго могли безнаказанно затемнять своей мелкобуржуазной проповедью классовое самосознание рабочих. Пора уже нам понять, что равнодушным отношением к своей собственной теории мы только облегчаем распространение в нашей среде буржуазных учений. Близорукая деловитость очень полезна ревизионистам: им теории не ко двору. Но что ревизионисту здорово, то «ортодоксу» — смерть.

С величайшим интересом прочитали мы то место речи товарища Ауэра, где он, касаясь международного парижского с'езда 1900 г., говорит, что в то время товарищ Каутский не так отрицательно относился к Милльерану, как теперь. Это совершенно справедливо, что бы там ни возражал на это названный товарищ. Если бы в немецкой делегации, явившейся на последний международный парижский с'езд, преобладало то резкое отношение к ревизионизму, которое так решительно восторжествовало в Дрездене, то знаменитая «каучуковая резолюция» товарища Каутского не увидела бы света даже в виде проекта, и тогда правоверная часть российской делегации была бы избавлена от печальной необходимости разойтись в голосовании со своими немецкими единомышленниками.

Закрывая с'езд, товарищ Зингер в своей, по обыкновению, энергичной речи сказал, что его партия останется, как и была, революционной партией рабочего класса. Он мог пойти дальше и сказать, что эта партия отличается теперь гораздо более революционным настроением, чем несколько лет тому назад, когда начиналась реви-

НОВЫЙ РАЗБОЙ.

Небывалые до сих пор явления происходят у нас: из самых глухих местечек приходят вести о вооруженных столкновениях с правительством, о массовых демонстрациях, митингах и т. д. Каждый день почти появляются временные организации, ставящие себе целью оказать правительству сопротивление в той или иной форме. Даже непосвященный читатель, знакомый с событиями лишь по правительственным сообщениям, должен признать, что Закавказье охвачено революционной бурей.

Ближайшей причиной, вызвавшей такой единодушный массовый протест даже в самых глухих, незатронутых до сих пор никакой крамолой уголках, послужило издание царского повеления от 12 июня этого года о передаче армянских церковных имуществ в ведение правительства. Но было бы ошибочно предположить, что один только этот закон способен был вызвать такую бурю. Систематические преследования мирных культурных учреждений, пресловутая «обрусительная политика», закрытие 300 с лишним армянских школ, стеснение деятельности благотворительных учреждений, закрытие издательского товарищества и целый ряд других подобных мероприятий мало-по-малу создавали резкий антагонизм между армянским населением и правительством, который рано или поздно должен был прорваться. Но последняя мера, так же как и предыдущие, могла бы остаться без открытого революционного протеста, если бы не героическая борьба рабочих масс в кавказских промышленных центрах, указавшая всему краю, что против самодержавия должно и можно бороться. Целый ряд удачных демонстраций, широкая массовая агитация, наконец знаменитые всеобщие стачки этого лета сильно революционизировали все слои населения. Вот почему армянское население, безропотно сносившее целый ряд насилий, запротестовало теперь резким образом против нового хищничества коронованного разбойника и стало защищать свои права с оружием в руках. Уже около шести лет (с 1898 года) правительство лелеяло этот закон, но из опасения смуты на Кавказе, — как показывает оглашенный секретный документ комитета министров, — откладывало его издание. Теперь, в виду сильного роста революционного движения, оно захотело терроризировать население, чтобы в корне убить всякую «крамолу», но вышло совершенно наоборот.

Против закона 12 июня возмутилось все население, так как этим законом попирались дотоле принадлежащие ему права. До сих пор всеми церковными имуществами на Кавказе управлял народ посредством своих выборных,

зионистская кампания, имевшая целью сделать из нее мирную партию буржуазной социальной реформы. Красный с'езд показал это с поразительной ясностью, и за то мы от души признательны красному с'езду. Да здравствует германская социал-демократия!

[Г. Плеханов]

ИЗ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Лозунг «сильной руки» и «ежовых рукавиц», с которым вступило в жизнь министерство Плеве[4], с самого начала определил будущий курс его. Чем выше поднимала голову «гидра революции», тем ожесточеннее отбивалось «боевое» министерство. Страх за шкуру самодержавия заставил, наконец, преодолеть веру в чудодейственную силу финансового мага: Витте — политический противник Плеве — пал. Нам неизвестна закулисная история этого падения, но довольно ясный намек дают на этот счет «Московские ведомости»[5]. Рассыпаясь в похвалах отечественному гению, «Московские Ведомости» отмечают, что политика Витте — политика искусственного настроения капитализма — вредно отозвалась на российском сельском хозяйстве и, главным образом, на двух заинтересованных в нем сословиях — дворянстве и крестьянстве, главных опорах порядка. С падением Витте перестанет угрожать «порядку» опасность с этой стороны.

Что же касается опасности, грозящей со стороны элементов, не призванных поддерживать «порядок», то против нее принимаются самые широкие меры. Правительственная тактика в этом отношении становится все яснее и определеннее. Отделить козлищ от агнцов — революционную интеллигенцию от рабочих и крестьянства, а потом обезоружить каждый из этих слоев особыми мерами — кого угрозой, кого лаской — вот план-тактика Плеве.

Широкая масса бессознательного крестьянства, — одна из опор порядка, по мнению «Моск. Вед.», — подлежит самому радикальному воздействию. Чтобы обеспечить ее верность самодержавию и православию, правительство начинает с молодого поколения. «На всеподданнейшем отчете г. псковского губернатора», — говорит преосв. Сергей, встречая царя в Пскове, — «вам угодно было начертать: „желал бы видеть побольше учительниц в народных школах“. Епархиальные женские училища по преимуществу воспитывают и обучают будущих учительниц народных школ» («Гражданин» № 65). «Церковный Вестник» тотчас же подхватывает этот лозунг и доказывает все прелести этой поповской монополии на народное образование. «Получив в училище (епархиальном) строго церковное воспитание и достаточное образование» — пишет «Церковн. Вестник», — они (воспитанницы епарх. училищ) несут в народ здоровые начала религиозности и любви к отечеству. Те же «здоровые начала» должны прививать крестьянину «Дружеские Речи» кн. Мещерского, обязательно рассылаемые во все волостные правления, да разные кукольные комедии, вроде открытия мощей Серафима Саровского. Добровольный агент самодержавия и православия—пресловутый генерал Богданович—издает тысячами лубочно-патриотические брошюры, ездит на гастроли по всей России, где его встречают и приветствуют братства хоругвеносцев-ремесленников («Русские Вед.» № 239), устраивает чтения и собеседования. «Ген. Богданович — пишут „Моск. Вед.“ — вчера устроил здесь (в Ртищеве, Сар. губ.) в народной аудитории, вблизи вокзала, и в церковной школе в поселке, собеседования с железнодорожными рабочими и крестьянами, которых собралось около полуторы тысячи».

Но, к прискорбию правительства, в России имеется уже вполне определенный слой рабочего населения,

---

громадная часть доходов с них тратилась на культурные нужды, наконец, до закона духовенство было в полной материальной зависимости от паствы, — теперь же, с передачей церковных имуществ в ведение чиновников, права народа на национальное имущество и влияние его на духовенство сводятся к нулю. Теперь духовенство, превратившись в правительственных чиновников, получающих содержание от казны, будет во всем проводить правительственные тенденции. Вот мотивы, которыми руководились демократически настроенные элементы в своей агитации против закона 12 июня. Духовенство об'ясняет закон желанием правительства уничтожить автономную армянскую церковь и подчинить ее влиянию православия и ведет свою особую агитацию. Националисты в своих прокламациях призывают бороться во имя попранных национальных прав, во имя нанесенной всей нации обиды. Все сходятся на одном, что надо во что бы то ни стало бороться против хищничества царя, против существующего политического режима.

Вслед за изданием закона во всех населенных армянами центрах стали происходить многочисленные собрания, принимавшие почти одну и ту же резолюцию: послать делегатов или отправить петицию к католикосу с настойчивой просьбой ни в каком случае добровольно не уступать, причем давалось обещание поддержать всякий протест с его стороны, даже если дело дойдет до вооруженного столкновения. Так, например, в Карсе на митинге в несколько тысяч человек, состоявшемся в армянской церкви, была подписана петиция в указанном смысле. Такие петиции шли даже из далеких деревень. Отовсюду с'езжались в Эчмиадзин депутаты. Духовенство под влиянием общественного мнения решило протестовать, и вот католикос рассылает кондак (буллу) по всем епархиям с распоряжением не передавать имущества правительственным чиновникам, пока от него не будет специального разрешения. Одновременно с этим он послал несколько телеграмм царю. По поводу этого распоряжения католикоса царь не замедлил, конечно, выразить свое недовольство: устами Плеве он заявил в письме к католикосу, что если армянское высшее духовенство будет продолжать сопротивляться высшей государственной власти, то на очередь будет поставлен вопрос о том, «на сколько дарованный русским монархом строй армянской церкви отвечает общегосударственным интересам» (читай: интересам самодержавия!). Это секретное письмо, изданное нашим Союзным Комитетом[8] с соответствующими комментариями, вызвало среди общества страшное негодование и имело не устрашающее, как вероятно предполагал Плеве, а наоборот возбуждающее значение. Вообще правительство своими нетактичными выходками ведет

к которому не под'едешь с саровскими мощами и ген. Богдановичем. Этих рабочих правительство старается задобрить экономическими уступками, отрезав их, таким образом, от политического движения. Зубатовская политика разврата, повидимому, потерпела крушение; сам Зубатов, по сведениям «Освобождения», уходит «на покой», но место Шаевичей, с их лозунгом «экономическая самодеятельность» рабочих, занимают добродетельные помпадуры. И. д. петербургского градоначальника Фриш, «заметив утомленные лица» ремесленных учеников, строго приказал блюсти десятичасовой рабочий день в ремесленных заведениях. Он же предложил городскому управлению заняться улучшением быта служащих на городских конно-железных дорогах («Русск. Вед.» № 237), а также сиделок в городских больницах («Русск. Вед.» № 239). Другой помпадур, Трепов таврический, устанавливает цены на выгрузку хлеба в Феодосийском порту «по взаимному соглашению между экспортерами и рабочими» («Спб. Вед.» № 233). Но, когда тамбовское общество взаимопомощи приказчиков возбудило ходатайство о нормировке рабочего дня приказчиков, губернатор отказался «дать ход» делу, ибо вопрос, по его мнению, имеет «общегосударственное значение» («Русск. Вед.» № 243). Инициатива таких «вопросов» составляет монополию правительства — его должны благодарить рабочие за благодеяния. И таких примеров множество.

Но уже в приказе Трепова проглядывает другой лик Януса. «Все те из рабочих», — прибавляет приказ, — «которые не пожелают встать на работу по об'явленным здесь ценам, будут записываться полицейским чиновником и затем удаляться из порта». И этим своим вторым ликом Янус обращен ко всем недовольным и непокорным, ко всем дерзающим протестовать и бороться. Стрельба в демонстрирующую толпу, ставшая, повидимому, неот'емлемою частью всех манифестаций, истязания по тюрьмам и участкам, наконец драконовские наказания, как в деле саратовских и нижегородских демонстрантов и, особенно, в приговоре по делу о демонстрации 2 марта в Ростове, вот меры борьбы с революцией.

Но, стараясь привлечь на свою сторону «народ» и жестокими мерами сломать неблагонадежные элементы, правительство не оставляет без внимания и те слои, которые могут сочувствовать борьбе с современным порядком. На первом месте стоит, конечно, земство. «Министру внутр. дел предоставлено право, — пишет „Слово“ в № 200, — приостановить в нынешнем году собирание путем местных опросов статистических сведений о земельных имуществах в тех губерниях, в которых применение этой меры вызывается местными условиями». Эта мера против статистиков, уже знакомая нам с прошлого года, прекрасно освещается следующими словами «Моск. В.» (№ 232): «Кто может счесть, сколько бумаги и типографского труда бесплодно поглотили одни земские статистические работы, около которых кормились все отбросы наших революционных движений». Слова эти были сказаны по поводу отказа министерства в разрешении Моск. земской управе издавать свой орган. «Все эти земские газеты, — комментировали „Моск. Вед.“ этот отказ, — являются, на смену статистике, притоном для указанных отбросов». Чтобы пресечь на будущее время такие «нежелательные» явления, министерство решило пересмотреть дела и положение московского земства на тех же началах, на каких было недавно реорганизовано петербургское городское управление. Взялся за этот подвиг товарищ министра внутр. дел Зиновьев.

Однако, все эти построения внутренней политики оказались бы очень шаткими, если бы правительство не чувствовало под собой крепкой почвы в виде военной

очень хорошую агитацию против себя и превращает забитых обывателей в довольно радикальных политиков.

В виду явного боевого настроения, которое господствовало среди населения, правительство отложило исполнение изданного закона до первых чисел сентября. За это время с обеих сторон шли приготовления к стычке: администрация усиливала местные гарнизоны, направила целый ряд шпионов в Эриванскую губернию, Карскую область, возбуждала татар против армян, — словом, мобилизовала свою армию для войны с «верноподданными». С другой стороны, готовились к борьбе и оппозиционные элементы: сорганизовывались всевозможные комитеты, вроде «Комитетов Самообороны» и т. д., которые, не имея определенной программы, стремились так или иначе стать во главе движения. Организованная социал-демократия с своей стороны вела устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать недовольство и направить его по революционному руслу против правительства и во всех стычках с самодержавием стоять в первых рядах. В то время как многие националистические элементы предлагали облечься в траур и во время манифестации поднимать черный флаг, в то время как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывали на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черным траурным знаменем выступать, а под красным, «революционным».

Таково было положение дел, когда начали отбирать имущество. Но до этого был еще один весьма характерный акт массового протеста, который я забыл отметить выше: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, после богослужения, окружив экипаж местного епископа, направилась из города в Вагаршапат (село около Эчмиадзина, резиденция католикоса). По дороге к шествию присоединились новые толпы из деревень. Народ шел заявить католикосу свою решимость бороться до последней капли крови. Вызваны были, конечно, войска и казаки; произошла стычка. Стреляли и с той и с другой стороны; были раненые, но, несмотря на это, толпе удалось дойти до Вагаршапата и заявить о своем решении католикосу. Характерно то, что многие из татар примыкали к шествию, заявляя, что и им немало неприятностей наделал царь.

Первое кровавое столкновение с царскими башибузуками было в Елисаветполе. 29 августа громадная толпа, собравшись по набату вокруг дома заместителя епархиального начальника, потребовала, чтобы он протестовал и ни в каком случае не передавал имуществ. Толпа состояла, главным образом, из приказчиков, ремесленников, рабочих и учащейся молодежи. Готовая уже

силы. Не удивительно, что в момент такого всенародного смятения оно употребляет все средства для обеспечения за собой этой силы и ограждения ее от тлетворных влияний. Усомнившись во всеспасительном действии жестокой военной дисциплины, оно начинает прибегать к подкупу и заискиванию. За последние месяцы в легальной и нелегальной прессе опубликован был целый ряд случаев денежного награждения солдат за доставление начальству найденных или полученных прокламаций и за арест раздававших прокламации лиц. Не довольствуясь этим, правительство не брезгает и мерами во вкусе открытия мощей Серафима. «По всем воинским присутствиям», — пишет „Харьковский Листок“ в № 1182, — «разосланы циркуляры министра внутренних дел (?), в которых... предлагается впредь новобранцев приводить к присяге на верность службы не в канцеляриях, а в храмах». Церковно-театральная обстановка обряда должна сильнее запечатлеть в душе солдата присягу на верность царю, чем канцелярская формалистика.

Однако, всего характернее для нового курса следующий образчик «сердечного попечения»: «В виду значительного уже числа больных от частей вверенного мне отряда в Читинском лазарете, — говорится в приказе ген. Артамонова («Харьк. Губерн. Вед.»), — чувства тоски и заброшенности, какие испытывают нижние чины, прошу дежурных по лазарету обходить всех больных своей бригады, справляться об их нуждах, записывать все, о чем будут просить... Прошу дежурных по лазарету найти время почитать им что-либо из имеющихся в полковых библиотеках книжек, или просто потолковать с ними... Никогда не следует забывать, что прочная спайка роты... являющаяся залогом успеха в бою, зависит от строгого, добросовестного исполнения требований военной дисциплины прежде всего, а затем от искренней, сердечной заботы офицера о действительных нуждах солдата, который очень чуток и отзывчив к ласке и заботе, оказанной ему в тяжелые периоды его службы».

План-тактика Плеве естественно ведет к концентрации сил правительства и к сосредоточению всей власти в министерстве внутренних дел. Об'явление чуть не всей России на положении усиленной охраны, введение армии стражников и нового типа урядников, пересмотр положений о петербургском городском управлении и предстоящий такой же пересмотр положений о московском земстве — все это значительно способствовало усилению и дисциплинировке сил министерства внутренних дел. Но этим Плеве не ограничился. Недавно только была подчинена власти губернаторов фабричная инспекция, а уже опубликовано новое положение о таком же подчинении горной окружной инспекции («Новое Время» № 9880), и носятся не менее сенсационные слухи о передаче податной инспекции в ведение министерства внутр. дел («Русск. Вед.» № 244). Так думают опутать рабочий класс и крестьянство густой сетью, все нити которой сходятся в департаменте полиции.

Но, понятно, такая передача всех официальных элементов, соприкасающихся с рабочими и крестьянами, равнозначущая переводу чиновников на должность сыщиков, требует и соответствующего подбора должностного персонала. Честные люди на такую службу не пойдут — приходится пополнять кадры всяким сбродом. Удивительно ли, что чуть не ежедневно раскрываются самые возмутительные преступления, не говоря уже о тех, которые скрываются и покрываются высшей властью. Удивительно ли, что правительство «милует» уличенных и приговоренных судом мошенников, раз только может положиться на их верность «царю и отечеству». Пресловутый кронштадтский полицмейстер Шафров уже поми-

---

к таким волнениям, администрация не замедлила явиться на место со стражниками, казаками и двумя ротами солдат. Прибытие войска сильно возбудило собравшихся; раздались выстрелы, и при первом натиске казаки были отброшены камнями. Солдаты открыли огонь. На место происшествия явился вице-губернатор Андреев, — один из тех опричников, которыми так полна провинциальная администрация. Он собственноручно, по свидетельству очевидцев, застрелил молодого армянина, обозвавшего его подлецом и грабителем. Убито было десять человек, ранено около 70, из них умерло уже человек 20; между убитыми есть дети. Число убитых и раненых со стороны стражников и казаков точно неизвестно. Произведено много арестов. Полицмейстер сильно нажился на этих арестах: он задерживал, как бы по подозрению, состоятельных лиц и потом за крупные взятки отпускал. Между арестованными есть и духовные лица. Несмотря на принятые правительством меры (армянам в эти дни воспрещено было выезжать из Елисаветполя), подробности елисаветпольской бойни дошли до Тифлиса и взбудоражили все население.

31 августа, в воскресенье, в ограде армянского Ванкского собора по почину местных националистов и духовенства была отслужена панихида по убитым в Елисаветполе в присутствии местной полиции, которая не посмела вмешаться. По окончании панихиды наши товарищи разбросали среди коленопреклоненной толпы прокламации Союзного Комитета[7], и могучие крики «долой самодержавие», «слава погибшим борцам», «на улицу, товарищи, на улицу» оглашали воздух. Мирная панихида превратилась в революционную демонстрацию! Шествие направилось к выходу, но у ворот столкнулось с казаками и стражниками. Произошло то же, что и в Елисаветполе, только здесь толпа не была подготовлена к вооруженному сопротивлению. Камнями и револьверными выстрелами несколько раз отбрасывала она казаков. С обеих сторон раненых много, убито два человека из толпы. Один из них, ученик армянской семинарии, был убит городовым бляха № 62 наповал, когда удалялся в соседний переулок. После того как значительная часть толпы была разогнана, казаки вступили в свою обычную роль и начали без разбору бить нагайками всех, кто только попадался под руку, словом, началась столь обычная в последние годы в России сцена... Ночью произведена масса арестов; задерживали ни в чем неповинных людей, между прочим арестовали четырех священников. На следующий день должна была начаться сдача имуществ. Националистами готовилась демонстрация. Наши тоже приняли меры, чтобы придать демонстрации, если она состоится, резко революционный

лован и скоро опять будет кататься на «собственных пожарных лошадях». И в таком исходе дела уверены все «верные слуги царевы». Что за беда, что житомирский брандмейстер отдан под суд за возмутительнейшие мошенничества, что за беда, что смещен его покровитель житомирский полицмейстер («Русск. Вед.» № 238) или возбуждено дело против пристава Тер-Грикурова в Тифлисе? («Русск. В.» № 245). Пусть «неблагонадежные» люди уличают земского начальника Малевинского в ростовщичестве («Русск. В.» № 244, из Тамбова), — слугам царевым и горя мало, они знают, что, если даже и суд их осудит, царь простит. Оттого-то они и позволяют себе издеваться над личностью и жизнью граждан, убивая ни в чем неповинных людей в участках (дело в Сочи, «Право» № 36), избивая ни с того, ни с сего мирных обывателей (дело Меньшикова, «Спб. Вед.» № 238), насилуя приглянувшихся женщин, которых власти потом об'являют проститутками, по примеру дела Золотовой[8] (дело Антоновой, «Спб. В.» № 224).

Эта оргия людей «порядка», где царь обнимается с жандармом, а благонамеренная интеллигенция братается с сыщиками, представляет характерное знамение времени. Правительство чувствует, что в воздухе висит «не бунт, а революция», и ставит свой последний козырь.

* * *

Оперирование правительства мощами Серафима нашло, к стыду либерального общества, отклик в редакции «Русских Ведомостей». Ко дню торжества сорокалетия этой либеральной газеты, как сообщает она сама, «служащие в типографии на средства, собранные по подписке между ними, поставили в помещении типографии икону первых славянских просветителей св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. В 12 часов дня, по освящении иконы, началась «панихида» по умершим основателям и сотрудникам газеты. Далее следовало «молебствие». Далее наборщики подносят «икону» фактору типографии. И вся эта недостойная комедия происходит в редакции газеты, которая тут же заявляет, что «есть известные принципы, выработанные культурным человечеством... которые не должны быть чужды никакому народу и не могут быть без вреда нарушаемы ни в каких условиях» («Русск. Вед.» № 243). Во имя интересов всех русских рабочих должны мы поставить к позорному столбу тех либералов, которые не только сами с лицемерным ханжеством устраивают «панихиды» и «молебны», но и отупляют зависящих от них рабочих, доводя их до постановки и подношения икон. Для либералов—«свобода и просвещение» («Русские Вед.» № 243), для «народа» — молебен и иконы.

[Орловский — В. Воровский]

МАКСИМУМ БЕЗЗАСТЕНЧИВОСТИ И МИНИМУМ ЛОГИКИ.

В № 46 мы перепечатали резолюцию V с'езда Бунда о положении Бунда в Р. С.-Д. Р. П. и дали свою оценку ее. Загр. Ком. Бунда отвечает нам весьма подробно и зело сердито в листке своем от 9/22 сент. Самой существенной частью этого сердитого ответа является следующее феноменальное открытие: «Кроме устава-максимум (sic!), пятый с'езд Бунда выработал еще устав-минимум», и сей минимум полностью и приводится, причем в двух примечаниях поясняется, что «отвержение автономии» и требование согласия Ц. К. Бунда на обращение к еврейскому пролетариату со сто-

характер. Правительство, хорошо сознавая, что при нормальных условиях отнять церковные имущества будет невозможно, превратило несколько кварталов вокруг собора и армянской семинарии в военный лагерь. Церковь была запечатана, на колокольне поставлены часовые, языки колоколов обернуты рогожей. Сам сатрап Голицын ездил утром осматривать военные приготовления. Не было никакой физической возможности помешать работе заседающей в это время в семинарии комиссии по приемке. Комиссия заседала в присутствии попечителей *, состоящих из местных буржуа, которые вначале решили бойкотировать комиссию, не давая ей возможности разобраться в документах. Но на заседание явился губернатор и громовой речью напугал этих и так уже трусивших буржуев до того, что они совсем забыли про свое решение. Надо было только видеть, как выражали свой протест эти сытые люди, не желающие ни начальство рассердить, ни народ обозлить. Весь их протест заключался в том, что они указывали, где лежат книги и документы, но собственноручно не передавали их председателю комиссии. Ключ же от кассы, вместо того, чтобы передать на руки кому-нибудь из членов комиссии, положили на стол. В то время когда во всем Закавказье простой народ шел на смерть, эти разжиревшие толстосумы так рабски подчинялись предписаниям правительства. Говорят, комиссия описала имущество уже при трех церквах. Город находится в большом возбуждении: везде и днем и ночью раз'езжают патрули. Некоторые церкви совсем опечатаны и в них не бывает богослужения.

Царь об'явил войну церкви! На здоровье, пусть бьют друг друга эти два исконные врага трудящегося народа.

В Баку, в этом центре кавказского пролетариата с многочисленным армянским населением, столкновение должно было принять более крупные размеры. И действительно, 2 сентября к пяти часам вечера громадная толпа, состоявшая главным образом из мастеровых, ремесленников и молодежи, по звону колоколов собралась около армянского собора на парапете, этом традиционном месте бакинских демонстраций. Церковь имеет высокую каменную ограду, за которую и засели демонстранты; большинство было вооружено и решило бороться до конца. Стянутые еще раньше в Баку из разных мест Кавказа войска и казаки были наготове и не замедлили появиться на парапете. Их встретили выстрелами и камнями. Со стороны войска тоже началась стрельба, и перестрелка тянулась больше часа. Число убитых с той и другой стороны неизвестно. Правительство в своем сообщении

* Выборные от народа для управления школьными имуществами.

роны других входящих в партию частей «должно быть выставлено как ультиматум». Так решил V с'езд Бунда.

Не правда ли, как это... красиво? С'езд Бунда выработал сразу два устава, определяя сразу и максимум и минимум своих желаний или требований. При этом минимум благоразумно (о, в высшей степени благоразумно!) прячется в карман. Опубликовывается (в листке от 7/20 августа) только максимум и при этом публично, прямо и ясно заявляется, что этот максимальный проект устава «должен быть предложен II с'езду Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, как базис для обсуждения (это заметьте!) вопроса о положении Бунда в партии». Оппоненты нападают, конечно, на этот максимум с особенной яростью именно потому, что это — максимум, что это — «последнее слово» * направления, ими осуждаемого. Тогда, через месяц, люди, не испытывая ни малейшего смущения, вытаскивают из кармана «минимум» и грозно добавляют: «ультиматум»!

Это уже не «последнее слово», а настоящая крайняя цена... Только крайняя ли, господа? Нет ли у вас в другом кармане минимального минимума? Не выступит ли он на свет божий еще эдак примерно через месяц?

Мы сильно опасаемся, что бундовцам вся «красота» этих максимума и минимума плохо понятна. Запросить втридорога, затем сбавить 75% и заявить: «последняя цена», — да разве иначе торговать можно? Да разве между торгашеством и политикой есть разница?

Есть, господа, смеем вас уверить, что есть. Во-первых в политике некоторые партии проводят систематически известные принципы, а из-за принципов торговаться неприлично. Во-вторых, когда люди, причисляющие себя к одной партии, рассматривают некоторые свои требования как ультиматум, т. е. как условие самой принадлежности к партии, то политическая честность требует, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось «на время» в карман, а, напротив, выдвигалось открыто и определенно с самого начала.

Мы давно уже проповедуем бундистам эти нехитрые истины. Еще в феврале (№ 33) мы писали, что играть в прятки неумно и недостойно, что Бунд выступил отдельно (с заявлением об О. К.)[10], ибо хотел выступить как сторона, ставящая всей партии условия. За такую оценку дела нас обдали тогда целым ушатом специфически-бундовских (можно сказать с равным правом: специфически-базарных) ругательств, а между тем события показали теперь, что мы были правы. Именно стороной выступает Бунд в решениях V с'езда, ставя всей партии прямые ультиматумы! Именно такой постановки вопроса добивались мы всегда от бундовцев, доказывая, что она неизбежно вытекает из занятой ими позиции: бундовцы сердито протестовали, уклонялись и увертывались, а в конце-концов должны-таки были показать свой «минимум».

Это курьезно, но еще гораздо курьезнее то, что Бунд продолжает увертываться и теперь, продолжает говорить о «лживости» «старого, всем известного искровского измышления о том, что Бунд хочет вступить в федеративный союз с Росс. Партией». Лживо это измышление потому дескать, что в § 1 устава, предла-

* Кстати. Чрезвычайно характерно для бундовской полемики, что за это выражение «Последние Известия»[9] особенно на нас обрушились. Почему последнее слово, когда оно (требование федерации) больше двух лет тому назад сказано? «Искра» рассчитывает на беспамятство читателя!... Успокойтесь, успокойтесь, господа: «последним словом» ваш устав-максимум назван автором статьи именно потому, что это слово было сказано два дня (примерно) перед № 46 «Искры», а не два года тому назад.

с цинизмом заявляет, что «мятежники отступили, подбирая раненых и убитых». Все обращают внимание на то, что демонстрантов правительство об'являет мятежниками; недалеко то время, когда оно официально должно будет признать существование не мятежа, а восстания! По правительственному сообщению арестовано 45 чел. с оружием в руках, но на самом деле задержанных больше. Патрули, раз'езжающие по городу, а также усиленные наряды полиции обыскивают по улицам положительно всякого армянина и задерживают всякого подозрительного. Выходить на улицу после девяти часоз вечера можно только с пропускным билетом. Полиция ходит по домам и предупреждает всех, чтобы в воскресенье не выходили на улицу, так как ей-де трудно разобрать, кто мирный, а кто бунтует. Между патрулями и молодежью несколько раз были кровавые стычки. Ненависть к правительству растет с каждым днем. Событиями 2 сентября только начался протест, — какую форму он примет в дальнейшем, еще неизвестно; как бы то ни было, нужно ожидать еще более крупных стычек.

Такого же характера стычки, как в Елисаветполе, Тифлисе и Баку, были в Александрополе, Карсе, Шуше и в некоторых деревнях. Всюду народ с оружием в руках встречал царских чиновников, всюду бывали стычки с войсками, и подробное описание событий каждого города сильно удлинило бы корреспонденцию. Укажем на следующий вполне достоверный и, хотя курьезный, но характерный факт: для усмирения беспорядков в г. Шуше туда вместе с войсками отправлена была артиллерия. Совсем как во время войны! В Тифлисе тоже, как утверждают, пушки направлены с арсенала на город, а в Баку Каспийский флот приблизился к берегу! Вот вам и «сила», «могущество» самодержавия! При первом серьезном вооруженном взрыве народного недовольства оно совсем потеряло голову!

Чем все эти события кончатся, трудно сказать. Во всяком случае еще долго, вероятно, будет тянуться эта упорная борьба ограбленного народа, у которого чаша терпения переполнилась. Одним из результатов теперешних событий на Кавказе является рост революционного сознания, рост непримиримо-враждебного настроения по отношению к самодержавию даже в глухих деревнях. Нелегальная литература разбирается нарасхват. Отовсюду Союзный Комитет получает требование на агитационную литературу. Во время этих событий прокламации наши проникли во все уголки Кавказа, где только есть армянское население, и в скором времени нам удастся сорганизовать там свои кружки.

Кавказец [Б. Кнуньянц]

гаемого Бундом, прямо сказано о желании Бунда быть частью партии, а не состоять с нею в союзе.

Очень хорошо, господа! Но не говорится ли в том же параграфе, что Бунд есть федеративная часть партии? Не говорится ли во всем уставе-максимум о договаривающихся сторонах? Не говорит ли устав-минимум об ультиматуме и об изменении «основных пунктов» лишь с взаимного согласия входящих в партию частей, причем ни местные ни районные организации частями партии в этом отношении не признаются? Вы сами говорите, что договаривающейся стороной не может быть ни местная ни районная организация, а исключительно «сплоченная часть такого же характера, как Бунд». Вы сами для примера указываете, что такой сплоченной частью могли бы быть «социал-демократия польская, литовская, латышская», «если бы они находились в партии», как вы благоразумно добавляете. Ну, а если они не находятся в партии? и если федерация национальных организаций, желательная для вас, не признается желательной и решительно отвергается всей остальной партией? Ведь вы прекрасно знаете, что дело обстоит именно так, вы сами прямо заявляете, что требование построить всю партию на базисе федерации национальностей вами уже не выдвигается. Спрашивается, к кому же обращаетесь вы с ультиматумом? Не очевидно ли, что ко всей партии, кроме Бунда? Вместо того чтобы доказать лживость искровского измышления, вы только обнаруживаете минимум логики в ваших увертках.

Но, позвольте, — возражают нам бундовцы, — ведь мы даже и федерацию выкидываем из своего устава-минимум! Это устранение «страшного» слова действительно самый интересный эпизод в пресловутом переходе от максимума к минимуму. Нигде, может быть, беззаботность Бунда насчет принципов не выразилась так наивно. Вы — догматики, безнадежные догматики, вы ни за какие блага в мире не хотите признать федеративного «принципа организации». Но мы же ведь не догматики, мы «ставим вопрос на чисто-практическую почву». Вам не нравится какой-то там принцип? Чудаки! Так мы обойдемся вовсе без принципа, мы «формулируем § 1 так, чтобы он не являлся декларацией определенного принципа организации». «Центр тяжести вопроса не в принципиальной формулировке, предпосланной уставу, а в конкретных пунктах его, выведенных из рассмотрения потребностей евр. рабочего движения, с одной стороны, и движения в целом — с другой» (стр. 1 листка от 9/22 сент.).

Это рассуждение до того прелестно по своей наивности, что так и хочется расцеловать его автора. Бундист всерьез поверил тому, что догматики боятся только некоторых страшных слов, и решил, что, если эти слова удалить, то догматик в конкретных то пунктах ничего не поймет! И вот бундист трудится в поте лица своего, составляет максимум, запасает (на черный день) минимум, готовит ультиматум № 1, ультиматум № 2... Oleum et operam perdidisti, amice! Друг мой, ты напрасно теряешь время и труд. Несмотря на хитрое (о, удивительно хитрое!) удаление вывески, догматик усматривает федеративный принцип и в «конкретных пунктах» минимума. Этот принцип виден и в требовании не ограничивать часть партии никакими районными рамками и в притязании на «единственное» * представительство еврей-

* «Это слово значения не имеет» — уверяет нас теперь Бунд. Странно! К чему бы это вставлять не имеющие значения слова и в минимум и в максимум? В русском языке это слово имеет вполне определенное значение. В данном случае оно включает в себе именно «декларацию» и федератизма и национализма. Рекомендуем подумать над этим бундовцам, которые не видят связи национализма и федерации.

Отмечаем с удовольствием, что наши кавказские товарищи совершенно правильно оценили политическое значение царского похода на армянские церковные имущества и показали своим примером, как следует вообще социал-демократии относиться ко всяким подобного рода явлениям. Конечно, не соц.-демократы станут защищать привилегии церкви. Социал-демократы требуют в своей программе полного отделения церкви от государства, требуют экспроприации церковных имуществ. Соц.-дем. восстают против отупляющей народ и реакционной пропаганды, которую ведут представители церкви.

Но мы требуем экспроприации церковных имуществ народным (демократическим) правительством и в пользу народа, а не полицейским правительством в пользу полиции. Мы добиваемся полной свободы слова, совести и союзов — всех и всяких союзов, — следовательно, и церковных союзов в том числе. Мы отстаиваем право каждой национальности на самоопределение и, следовательно, должны безусловно восстать против насильственного вторжения самодержавия в дела, касающиеся одних армян.

Именно на примере этой борьбы за свободу церковных союзов мы можем уяснить себе особенно наглядно, как следует применять на деле тот пункт нашей программы, который требует признания за каждой нацией права на самоопределение. Армяне имеют церковные общества, которые сами распоряжаются всеми своими церковными делами и церковными имуществами в том числе. Мы, социал-демократы, будем, конечно, агитировать за то, чтобы армяне нашли лучшее употребление для этих имуществ, чтобы они обратили их не на церковные нужды, а на нужды народа, на облегчение податного гнета, на улучшение условий труда рабочих, на поддержку борьбы за свободу; мы будем об'единять армянских пролетариев между собой и с русскими рабочими для борьбы за экспроприацию всех их экспроприаторов. Но от полицейского насилия мы должны защищать и будем защищать не только пролетариев, а все классы общества, даже и попов в том числе. Во имя свободы союзов и свободы самоопределения мы требуем, чтобы царское правительство не смело налагать руку на армянские церковные имущества. С армянскими церковными союзами мы хотим бороться посредством свободных армянских рабочих союзов, а против самодержавного полицейского насилия мы должны бороться в первых рядах, на какие бы слои народа и по какому бы поводу это насилие ни падало. Только при этом условии нам и будет принадлежать гегемония в борьбе с царизмом.

Ред.

ского пролетариата, и в требовании «представительства» в Ц. К. партии, в отнятии у Ц. К. партии права вступать в сношения с частями Бунда без согласия Ц. К. Бунда, и в требовании признать основные пункты изменяемыми лишь с согласия частей партии.

Нет, господа. Центр тяжести того вопроса о положении Бунда в партии, который стоит перед нами, лежит именно в декларации определенного принципа организации, а отнюдь не в конкретных пунктах. Центр тяжести — в выборе пути. Узаконить ли особность Бунда, исторически сложившуюся, или отвергнуть ее в принципе и стать открыто, определенно, решительно и честно на путь большего и большего, теснейшего и теснейшего сближения и слияния со всей партией. Сохранить обособленность или повернуть к слиянию. Такова дилемма.

Решение этой дилеммы зависит от доброй воли Бунда, ибо «насильно мил не будешь», как говорили мы еще в № 33. Если вы хотите повернуть к слиянию, тогда вы отвергнете федерацию и примете автономию. Тогда вы поймете, что автономия гарантирует такую постепенность процесса слияния, при которой переорганизация произошла бы с минимальной ломкой и притом так, чтобы еврейское рабочее движение ничего не теряло, а все выигрывало от этой переорганизации и от этого слияния.

Не хотите повернуть к слиянию, — тогда вы будете стоять за федерацию (в максимальной или в минимальной ее форме, с декларацией или без декларации), тогда вы будете бояться «майоризирования», тогда вы превратите печальную обособленность Бунда в фетиш и станете по поводу уничтожения обособленности кричать об уничтожении Бунда, тогда вы станете искать обоснования своей обособленности и в этих поисках то хвататься за сионистскую идею еврейской «нации», то прибегать к демагогии и к сплетням.

Теоретически обосновать федерализм можно только националистическими идеями, и нам странно было бы доказывать бундовцам, что не случайно декларация федерализма приходится на тот самый IV с'езд, который вынес декларацию о существовании еврейской нации.

Практически дискредитировать идею слияния можно только посредством науськивания несознательных и робких элементов против «чудовищного», «аракчеевского» организационного плана «Искры», желающей «остричь под одну скобку» комитеты и не позволять им «ни шагу делать без приказания свыше». Какие ужасы! Мы не сомневаемся, что теперь все комитеты поспешат взбунтоваться против ежовых рукавиц, аракчеевского кулака и проч... Но откуда вы взяли, господа, сведения об этом свирепом организационном плане? Из литературы? Отчего же вы ее не цитируете? Из рассказов досужих партийных кумушек, которые самым достоверным образом знают все, ну решительно все подробности насчет этой аракчеевщины? Последнее предположение, пожалуй, вероятнее, ибо даже при минимуме логики нелегко было бы смешать в одну кучу такое необходимое требование, чтобы Ц. К. «имел возможность дойти до последнего человека в партии», и такое заведомо сплетническое пугало, что Ц. К. будет «все делать» и все «регламентировать». Или еще: что за пустяки это насчет того, что «между периферией и центром» будут «lose Organisationen»? Мы догадываемся: наши добрые бундовцы слышали звон, да не поняли, откуда он. Как-нибудь при случае придется им раз'яснить это подробно.

Хуже всего, однако, то, что взбунтоваться придется не только местным, но и Центральному Комитету. Правда, он еще не родился, но кумушки доподлинно знают не только день рождения, а всю судьбу новорожденного. Оказывается, что это будет Ц. К., «направляемый группой литераторов». Не правда ли, какой это испытанный и дешевый прием борьбы? Бундовцы тут не первые и, наверное, не последние. Чтобы изобличить в какой-либо ошибке этот Ц. К. или О. К., надо найти доказательства. Чтобы изобличить людей в том, что они действуют не по собственному убеждению, а направляемые чужой рукой, надо иметь мужество выступить открытым обвинителем и взять на себя перед всей партией ответственность за такое обвинение! Это все слишком дорого, во всех смыслах дорого. А кумушкины россказни дешевы... Может-быть, и клюнет. Ведь так неприятно прослыть человеком (или учреждением), которого «направляют», которого водят на помочах, который является пешкой, креатурой, ставленником «Искры»... Бедный наш, бедный будущий Ц. К.! У кого будет он искать защиты от гнета аракчеевщины? Разве вот у «самодеятельных» и чуждых всякой «подозрительности» бундовцев?

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Погром в Гомеле. В пятницу 29 августа, в пять часов вечера, в одну из еврейских лавочек на базаре зашел лесник графа Паскевича и, купив селедку, повздорил из-за чего-то с лавочницей; в ссору вмешался хозяин лавки и вытолкал лесника из лавки на площадь, где в это время находилось человек 50 — 60 крестьян из деревень. Когда лесник заявил им, что его «побил жид», крестьянам (отчасти подвыпившим) показалось это обидным, и они с криком: «бей жидов!» бросились на еврейские лавки. Сбежавшаяся толпа лавочников и проходивших мимо евреев стала защищать избиваемых, и в происшедшей свалке лесник был убит наповал одним из евреев. Весть об этой драке и убийстве русского моментально облетела весь город; по городу пошли толки о еврейском погроме; всюду были закрыты лавки и магазины. Гомельский соц.-дем. Комитет немедленно организовал отряд для защиты евреев из 200 челов., в числе которых было 40 — 50 русских рабочих; к дружине присоединилось еще человек 100 из организации сионистов-фракционеров. Когда этот отряд под командой своих предводителей прибыл на место побоища, то он увидел здесь такую картину: кучка крестьян, человек 30 — 40, окружила труп убитого лесника и, возбужденно жестикулируя, кричала, что нужно отомстить евреям, нужно всех их перерезать, как было в Кишиневе и т. п. Тут же находился полицмейстер с кучкой полицейских; он требовал, чтобы отряд самообороны разошелся, но на его требование ответили отказом. Некоторые из крестьян стали бросать в рабочих камнями и поленьями, но отряд рабочих решил не отвечать на это ничем, надеясь успокоить крестьян убеждениями. Вскоре подошел вооруженный отряд солдат. Полиция теперь смело стала наступать на рабочих, требуя, чтобы они разошлись, и когда руководители отряда ответили, что они уйдут только тогда, когда разойдутся все крестьяне, которые иначе снова могут начать побоище, — полицмейстер приказал солдатам разогнать их

силой. Раздалась команда: «в штыки!» и солдаты бросились на рабочих. 8 чел. тяжело ранено, причем один от выстрела из револьвера, сделанного приставом первой части. 12 человек было арестовано (на другой день выпущены). Тут же на площади наблюдались такие сцены: в одном месте купец Петраченко и два студента, стоя в толпе крестьян, доказывали им, что необходимо отомстить жидам и устроить настоящий погром; в другом—полковник, под прикрытием патруля, самолично бил еврея-рабочего и на просьбу подошедшего к нему доктора Захарьина прекратить побоище ответил: «Уйди, жидовская харя, или я прикажу сейчас стрелять!».

Было ясно, что этим дело не кончится и избиение евреев может вырасти до громадных размеров. Полиция явно была на стороне громил и всячески раздувала вражду среди населения. Гомельский Комитет решил не распускать своего отряда, чтобы иметь возможность каждую минуту выступить на защиту избиваемых. Отряд был снабжен холодным и огнестрельным оружием; была также усилена агитация среди рабочих железнод. депо.

В субботу 30-го происходили отдельные стычки: человек 10 — 12 громил ходили по улицам, ловили евреев и били их. В воскресенье был арестован какой-то суб'ект с массой прокламаций, приглашавших к погрому, и фотографических карточек убитого лесника.

В понедельник, около 12 час. дня, снова всех охватила паника: всюду кричали, что на площади происходит побоище и грабеж еврейских лавок. Отряд самообороны разбился на две части: одна пошла на Вокзальную улицу, а другая на Конную площадь. На Вокзальной улице впереди рабочие увидели роту солдат, а дальше был слышен гул погрома. На просьбу заступиться за избиваемых офицер ответил, что он сам знает, что ему делать; пришлось итти самим на защиту, но, пройдя дальше, рабочие наткнулись, прежде всего, не на громил, а на роту солдат, за спинами которых толпа громил с невероятным зверством делала свое дело... Ясно было, что власти защищали не избиваемых, а помогали убийствам и грабежу... Отряду рабочих ничего не оставалось делать, как попытаться прорвать цепь солдат. Произошла ужасная сцена: солдаты кололи штыками без разбора и с страшным остервенением. Много тяжело раненых рабочих легло на месте, а также несколько солдат. Цепь все-таки была прорвана, и рабочие напали на громил, которых и разогнали после нескольких выстрелов.

Такая же тяжелая сцена разыгралась и на Конной площади. И там рабочие наткнулись на солдатскую цепь, под прикрытием которой свирепствовала кучка разбойников. Здесь по отряду самообороны был дан залп, и шесть человек рабочих легло на месте; прочим пришлось бежать... После этого рабочие, выступившие на защиту избиваемых евреев, ясно увидели, что сам по себе погром легко мог бы быть прекращен, но что главным его организатором является полиция, подкрепленная военной силой. Бороться дальше — значило вступить в открытую битву с войсками и нарядами полиции... Кое-что еще удалось сделать благодаря тому, что большая часть местной военной команды была занята охраной железнодорожного депо, где находится много сознательных рабочих: власти боялись их выступлений на защиту евреев. В городе разгуливали толпы громил (всего челов. 150), руководителями которых были некоторые интеллигентные лица: учитель гимназии Шалонин, студенты, гимназисты, судья Мельников и купец Петраченко. После стычки с солдатами отряд самообороны не оставил своего дела защиты: во многих местах он разгонял кучки громил, оставляя местами раненых, а часто и убитых. Большею частью кучки громил находились под прикрытием полиции, но с полицией самооборона справлялась легко. Вот, например, еще сцена, в которой роль полиции и военной силы, стало быть роль правительственных агентов, не может быть названа иначе, как пособничеством или даже прямой организацией разбоя и грабежа: когда в понедельник до сборного пункта отряда самообороны дошли вести о грабеже и насилиях в мелких лавках (так назыв. рундуках), для защиты людей тотчас же отправилась кучка рабочих; и вот картина: человек 10 — 15 разбойников врывались в лавки, разбивая предварительно замки и двери, а впереди стоит военный патруль под предводительством полицейского надзирателя — для защиты грабителей от хозяев лавок! Когда рабочий отряд обратил внимание надзирателя на происходящее за его спиной и потребовал, чтобы допустили самих рабочих разогнать громил, то в ответ на это последовала команда: «ружья на руку!» и рабочим пришлось уступить... Еще сцена: на главной улице четыре каменщика, сойдя с постройки, напали на еврея и убили его; рядом стоял офицер с патрулем; когда кто-то из евреев указал ему на убийство, он ответил: «эка важность убить жида!» и, обращаясь к каменщикам, добавил: «вот и еще один — дайте и ему!» — и этот был тяжело ранен кирпичом.

На все телеграммы губернатору и министру внутр. дел не было получено никакого ответа.

Во вторник прибыло много рабочих из других городов для защиты избиваемых евреев; в числе их было много русских. Но с этого дня побоища и грабежа уже не было. В четверг Гомель был об'явлен на военном положении. Отряд самообороны был распущен лишь в субботу, когда жизнь понемногу начала входить в свою обычную колею.

В четверг прибыл в Гомель могилевский губернатор Клингенберг. Местная буржуазия тут же снарядила депутацию к нему с просьбой о защите, но помпадур ответил им очень недвусмысленно: «Что, дождались — чего хотели? Сами виноваты, что так вышло, зачем так воспитываете детей? Вы просите защиты? Какая вам еще защита нужна, — у вас ведь есть она: ваши социал-демократы... Я ведь знаю: порядочная публика всегда во-время сумеет уехать из города, а эту дрянь мы переловим!» Выступившему было для ответа депутату губернатор своей собственной рукой закрыл рот. Теперь депутация отправилась искать правды к другому зверю, фон-Плеве: авось ей там повезет! Добудут самую доподлинную правду, чтобы в другой раз не приходилось искать...

Орел. Помпадур-подстрекатель. Орловский губернатор Балясный в достаточной мере известен уже всем в качестве свирепого и дикого администратора. В свое время нелегальная печать отмечала его подвиги как полтавского и виленского вице-губернатора и позднее — как орловского губернатора; напомним только ту роль, которую он играл при казни Г. Леккерта[11], и его неудачную попытку сделать своими шпионами некоторых гласных Орловского губернского земства. Но все его прежние подвиги бесспорно затмеваются последним, совершенным в начале августа. Вдохновляемый общей политикой своего покровителя, Плеве, и желая пуще блеснуть усердием, Балясный решил ни больше ни меньше, как устроить еврейский погром в Орловской губ., хотя она лежит вне черты оседлости и там живет очень мало евреев. Погромом он хотел убить, повидимому, не двух, а целых трех зайцев: 1) погром очень понравился бы Плеве; 2) погром отвел бы в другую сторону внимание крестьян, сильно возбужденных как «Письмами к крестьянам» (изд. Брянского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии), так и листками соц.-рев., которые призывают крестьян к нападению на помещичьи усадьбы; 3) погром помог бы Балясному добиться введения в Орл. губ. усиленной охраны, по которой он смертельно тоскует, жалуясь своим немногочисленным знакомым, что он связан теперь по рукам и ногам. (Говорю «немногочисленным» потому, что орловское дворянство, предводительствуемое «либеральным» «Мишей Стаховичем», считает для себя позорным вести знакомство с таким безобразным бюрократом, как Балясный). Итак, желая устроить погром и узнав, что одним из наиболее населенных евреями пунктов в Орл. губ. является ст. Дубровка Р.-О. ж. д. Брянского уезда, где живет сравнительно много евреев-лесопромышленников, губернатор сочинил листок такого содержания*. «Старосте деревни Долгое. Г. губернатор приказывает тебе с твоим обществом прибыть 6 августа на ст. Дубровка отбирать еврейское имущество и жидов бить, водку пить. Губернатор».

---

* В ред. «Искры» доставлен один экземпляр листка.

Листок этот был привезен в типографию губернского правления губернаторским чиновником Покровским (смотритель казенных зданий) и сдан им в набор; при нем было напечатано около 200 экземпляр., которые он и увез с собой. На другой же день листки были разбросаны (вероятно «агентами») в окрестностях ст. Дубровки.

Погром не состоялся, так как во-время предупрежденные о разбросанных листках евреи тотчас выселились все со ст. Дубровки. Но листки достигли другой цели, не предвиденной их автором: одновременно с тем, как листки были разбросаны в деревнях, несколько штук их пошло гулять по Орлу, несмотря на всю конспиративность Покровского и «надежность» типографщиков; догадливые люди достали образцы тех шрифтов типографии губ. правл., которыми был напечатан листок, сфотографировали их вместе с листком и пустили снимки в обращение по городу. Пусть займутся сравнением шрифтов те люди, которые не верят, когда им указывают истинные источники «междурасовой» вражды, истинные причины таких ужасов, как кишиневский погром!..

Весьма поучительное занятие!..

Брянский Комитет готовится выпустить на-днях листок по поводу этой выходки губернатора.

Псков. Общение с возлюбленным монархом совершилось и стало воспоминанием, приятным для одних и несколько грустным для других. Начальство и полиция получили осязательные знаки царского расположения, — в виде чинов, орденов, портсигаров и проч. (последние раздавались всем полицейским чиновникам в чине выше городового). Обывателя побаловали не столь осязательной, хотя и напечатанной крупным шрифтом благодарностью за «порядок и благочиние» во время высочайшего проезда; любуется обыватель на эту благодарность, расклеенную и розданную на руки, и с грустью, вероятно, вспоминает о расходах, понесенных на украшение и освещение своей обители. Но самые ценные воспоминания остаются на долю пригородных крестьян: маневрировавшее христолюбивое воинство помяло поля, поело огороды и победоносно удалилось, предоставив владельцам самим искать возмещения своих убытков.

Как всегда и везде, самое главное в описываемой арлекинаде не самый момент общения, слишком мимолетный, а прелюдия, растягиваемая на недели. Эту прелюдию обыватель наблюдает со стороны и в то же время исполняет в ней исключительно служебно-полицейскую роль, а главные ее персонажи — полиция всех цветов и рангов. Но зато обыватель мог наблюдать небывалое оживление днем на улицах, а к ночи в садах и злачных местах: это развлекалось православное воинство разных родов оружия; бойко торговали магазины и рестораны, оживилась и пополнилась проституция.

Как всегда и везде, прежде всего город был приведен в порядок снаружи — строили мосты, арки, декорации. Затем было обращено внимание и на внутреннюю благопристойность обывателя, которому преподавались правила верноподданического поведения и в сем отбирались соответствующие расписки. У полиции выросли как бы крылья: она везде поспевала, всюду указывала и беспокоилась; для всех было ясно, что это ее праздник, что всякий, не принадлежащий к ней в данный момент, существует только как мебель, которую предстоит симметрично расставить, и полицейский мундир, до последнего городового включительно, вырос на целую голову и получил право законодательной власти и безапелляционных решений. Обыватель растерялся от такого нахальства и исполнял все без рассуждений.

Была запрошена курская полиция о том, какие меры были там приняты в аналогичном случае в прошлом году, и был получен ответ с присовокуплением совета не следовать примеру Курска, ибо царь остался им недоволен: улицы пустовали, и встреча, вопреки газетным известиям, не вышла достаточно восторженная. Но искренность этого совета здесь была, повидимому заподозрена: меры принимались, и в результате хотя и толкалось много публики на тротуарах, но «ура» вышло довольно жиденькое и принадлежало, по всей вероятности, внутренней охране. Последняя была так значительна, что обыкновенный бесхитростный обыватель прямо затеривался среди «котелков» и «зонтиков» питерского сыскного отделения. Но одновременно с этим тот же бесхитростный пскович был умилен отсутствием обычных шпалер и форменной полиции на пути августейшего следования: обычно недалекий, он был искусно обманут такими высокими выражениями монаршего к нему доверия; ему и в голову не пришло, что сам же он помог связать себя разными подписками: ему приказали иметь восторг и ликование лишь внутри себя и не выражать их ни криком «ура», ни бросанием цветов и шапок; очевидно опасались, что среди громкого несмолкаемого ура царское ухо уловит «долой самодержавие», и тогда прощай, высочайшая благодарность и ее последствия!

За несколько дней до приезда Ники, подкрепленная из Питера полиция начала производить обычные в таких случаях набеги на квартиры подозрительных личностей. Были обысканы все находившиеся в городе статистики и несколько служащих земской управы и простых обывателей. У одного статистика отобрали сломанный револьвер и возвратили его после общения; только в одном случае нашли и отобрали одну нелегальную книгу; обыски производились помимо прокурорского надзора «по словесному приказанию жандармского полковника»; но в общем эти набеги не дали жандармам ничего. Обыскали собор, который должен был иметь счастье принять царя, и пригородный Мирожский монастырь; и там и тут заглянули и под престолы, и в раку имеющих проявиться мощей какого-то местного преподобного. Духовенство осталось недовольно; тем не менее ключи от собора жандармы взяли к себе, и три дня сам господь бог находился под арестом. Обысканы были Поганкины палаты, дом трудолюбия и канцелярия губернского земства. В последнем случае обыском услужливо руководил председатель управы Горбунов и даже настоял на том, чтобы сломаны были те замки, за ключами от которых нужно было послать. Никакой крамолы, разумеется, не оказалось. А между тем одновременно с обысками в лагерях и казармах появились листки «К солдатам» от военно-революционной организации, а через два дня они же появились на городских улицах. По слухам, было арестовано двое солдат и (достоверно известно) крестьянин Петр Кузьмин, раздававший солдатам прокламации; город же, собственно, никаких потерь не понес. В одну из ночей перед приездом отряд полиции в 20 — 25 голов ползал с фонарями по рельсам железной дороги, собирая листки; набрали 300 штук, а 200, очевидно, попали по назначению.

Самый город Псков имел счастье принимать возлюбленного монарха два раза: 6 августа, когда монарх появился только на параде около вокзала, и 9-го, когда должно было совершиться ожидаемое общение с «любезным сердцу Нашему» народом. Триумфальный кортеж открывался довольно неуклюжим пожарным брандмейстером на пожарном коне и с бешено болтавшейся полицейской селедкой, вместо парадной шпаги; за брандмейстером мчался полицмейстер, стоя в коляске, с написанной на физиономии готовностью «послужить»; далее поспешал губернатор, и уже после этого третьего «предостережения» показался сам Николай II, а за ним многое множество мундиров и треуголок рядом с суб'ектами, которые не имеют фамилии и которые в последние годы особенно настойчиво ракламируют себя телеграфными ответами за подписью «Владимир», «Михаил» и проч. Некоторые из них во время пребывания здесь вели себя с такой национальной простотой, что полиция и обыватель недоумевали и умилялись. Наследник запросто посещал местный «Кутузовский» сад, куда скромный пскович не решается войти, а сын Владимира Борис в том же Кутузовском саду среди концерта шансонеток отправился за кулисы, и занавес уже больше не поднимался, хотя пение продолжалось очень долго, и чем дальше, тем веселее, но уже исключительно для августейшего савраса. Оный же Борис в другом ресторане (в Черехе) сделал бурсацкую смазь двум, добродушно беседовавшим за бутылкой пива, почтенным немцам, но скандала, разумеется, не вышло.

Были опыты с традиционной подачей прошений лично батюшке-царю, но все поглощалось всесильным участком. А на местах высочайшего присутствия во время маневров

в окрестностях города собравшихся православных, исстари возлагавших свои надежды и вожделения именно на личную подачу прошения, об'езжали казаки и вызывали имеющих подобные намерения; простаки об'являлись, и те же казаки отбирали у них челобитные для передачи, а челобитчик оставался одураченным.

К сведению и руководству!

М. В. Д.
Начальник
Одесского Почт.-телегр.
Округа.
21 июня 1903 г.
№ 289.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. начальникам почтово-телеграфных и почтовых учреждений.

Департамент полиции сообщил, что в течение прошлого и настоящего годов выслано было как из-за границы, так и изнутри империи значительное количество писем на имя разных лиц, преимущественно крестьян, с прокламациями преступного содержания, причем большинство таких писем было опущено в почтовые ящики на железнодорожных станциях, как то видно по имеющимся на конвертах штемпелям почтовых вагонов; в последнее же время эти издания в значительном количестве высылаются из Козлова и Грязей. Согласно установившемуся порядку, почтовые и почтово-телеграфные учреждения передают простую корреспонденцию, адресованную на имя сельских обывателей, в волостные правления для выдачи по принадлежности, и таким образом масса прокламаций попадает в руки крестьян, которые эти прокламации сами хранят и дают читать другим. Циркулярным предписанием от 6 июня 1895 г. за № 11, подтвержденным 1 июля 1902 г. за № 75, даны на сей предмет правила, применительно к коим почтовые и почтово-телеграфные учреждения должны обращать особое внимание на значительное число писем, адресованных в селения и имеющих один и тот же формат, вес и измененный почерк адреса на конвертах. Но так как означенные правила не всюду исполняются, то, на основании предписания Главного Управления П. и Т. от 9 сего июня за № 246, вновь строжайше подтверждаю начальникам учреждений тщательно контролировать иностранную корреспонденцию и наблюдать за внутренней и, в случае убеждения о нахождении в полученных из-за границы изнутри империи по всякому адресу письмах или бандерольных отправлениях листков или брошюр противоправительственного содержания, чтобы такие письма были задерживаемы и вскрываемы в присутствии получателей порядком, указанным в 605 ст. сборника постановлений и распор. по почтово-телеграфному ведомству, часть 1 почтовая, изд. 1885 г., и только в случае обнаружения в письмах упомянутых листков и брошюр письма эти были представляемы подлежащему губернатору; при сем предупреждаю, что все это предписывается особо-тщательному вниманию чинов и что упущения в этом деле влекут в каждом отдельном случае большие и важные последствия.

Признаки же писем с противоправительственным вложением, как было указано предписаниями Главного Управления от 8 февраля и 30 мая 1894 г. за №№ 65 и 275 и 8 мая 1902 г. за № 151, следующие: из Лондона и Швейцарии пересылались закрытые письма в желтых и синих оболочках со вложением листков издания комитета «Фонда вольной русской прессы»[12], адресуемые на имя предводителей дворянства, председателей земских управ, различных должностных лиц, местных адвокатов, редакций газет, а также и на имя частных лиц; кроме того противоправительственные брошюры и листки пересылаются посылками и бандеролями в переплетах книг, для чего в корешках последних устраиваются тайники.

Начальник округа Маевский.
За делопроизводителя: Кугули.

Тула. 14 сентября здесь была демонстрация, организованная Комитетом с целью протеста против суда над ростовскими товарищами. Демонстрации предшествовало распространение листков в большом количестве. Продолжалась она недолго, минут 10 — 15, затем демонстранты (их было около 200 чел.) разбежались под натиском полиции и солдат. Были знамена, пели песни, разбрасывали прокламации. Арестовано 6 рабочих и 6 интеллигентов. Фамилии последних: Луначарская, жена врача, ст. Рождественский, две его сестры, Щепотьев (?) и еще один студент. Демонстрация произвела сильное впечатление на публику.

Ковно. В местной тюрьме 30 августа опять произошла возмутительная история с политическими. Высылали одного товарища в Сибирь. В то время когда его вели мимо камер, из камер, где сидят по нескольку человек, раздались возгласы с выражением сочувствия. За это тюремное начальство приказало рассадить арестантов по одиночкам. Когда заключенные отказались итти из камер в одиночки, то начальство направило к ним в камеры городовых, чтобы силою вытащить их из камер, и тут-то началась дикая расправа.

Крик из общих камер услыхали сидящие в одиночках, которые тоже начали кричать и ломать камерную мебель, оконные рамы и двери. К ним ворвались городовые, и началась бойня, в которой одному товарищу вывихнули руку, а остальные до полусмерти избиты. Одному же городовому разбили череп, а другому женщина откусила палец. На помощь городовым начальство вызвало пожарных с насосами, которые начали обливать водою и тем заставили выходить из камер. После этого всех заперли по камерам в подвале, хотя и светлом. Говорят, что на двух жещин надели сумасшедшие рубашки и отправили их в тюремную больницу. Масса народу сбежалась вокруг тюрьмы на крик избиваемых. Дальнейшие подробности пока неизвестны.

P. S. После гомельского погрома у нас пошли слухи, что на Иом-кипур здесь будет погром. Комендант крепости, успокаивая еврейских буржуа, грозил, что если из евреев кто-либо посмеет сам давать отпор погромщикам, то солдатам и полиции прикажут уйти домой и в казармы. Погрома не было. Пограничная стража и жанд., боясь ввоза оружия евреями, неистовствовали на вокзале и на пароходной пристани, взламывая корзины и чемоданы с вещами у сходящих в Ковно.

Ростов на/Д. Вчера, 8 сентября, в 6½ час. вечера в балке около городских боен батальон Феодосийского полка, предводительствуемый жандармами и усиленный «шпиками», окружил и захватил большую толпу, почти исключительно состоявшую из учащейся молодежи средних школ. Солдаты, пользуясь темнотой, окружили молодежь и внезапно с криками бросились хватать и бить сопротивлявшихся. На месте же был обыск. Детей до 12 лет отпустили, только переписавши их фамилии. Всего арестовано 74 чел., из них 10 — не принадлежащих к учащейся молодежи, 20 гимназисток, остальные реалисты, среднетехники, гимназисты. 29 послано в тюрьму, гимназистки — в нахичеванскую, остальные — в ростовские полицейские части. Вечером до поздней ночи заседал совет из жандармов и педагогов. Первые настаивали на том, что — это местное отделение Ю.-Р. Группы Учащ. Молодежи[13] (бывш. Ю.-Р. Г. У. Средн. Школ), часть вторых — что это просто собрание для чтения реферата. Результаты пока неизвестны.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

ОЧЕРЕДНОЙ КОНГРЕСС ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. ПАРТИИ.

17 — 20 августа н. ст. 1903 г. навсегда останутся в памяти представителей молодой Финляндской Рабочей Партии, с'ехавшихся в фабричном местечке Форсса на

свой второй очередной конгресс. Первый конгресс партии был в 1899 г., в гор. Або. Тогда было об'явлено впервые об образовании партии и была принята краткая программа (см. «И.» № 33). Финляндская Рабочая Партия с самого момента своего возникновения была по существу социал-демократична; в прошлом году, как известно читателям, она примкнула к интернациональному рабочему движению, на нынешнем же конгрессе она и официально приняла название социал-демократической и утвердила новую обширную соц.-демокр. программу, являющуюся органическим развитием прежней.

На с'езд собралось 96 представителей от 48 рабочих союзов (общее число членов Рабочей Партии не может быть в данный момент указано с точностью, во всяком случае оно превышает 10.000 человек). Для разработки вопросов, подлежащих обсуждению, было назначено десять специальных и одна руководящая комиссия; во время общих заседаний прениями руководили по очереди четыре председателя. Почти по каждому вопросу составлены были обстоятельные доклады. Кооперативное движение, общества трезвости, страхование рабочих, максимальный рабочий день и минимальная заработная плата, положение безземельного сельского населения, коммунальная программа рабочих, общефинляндская профессиональная организация рабочих, народное образование, законодательная охрана работниц, безработица, социалистическая агитация и, наконец, наделавший столько шуму в среде финляндских буржуазных партий вопрос о всеобщем избирательном праве — вот те главные общие вопросы, которыми был занят конгресс. Большинство их обсуждалось и на предыдущих с'ездах (настоящий конгресс — по счету пятый с'езд рабочих представителей), но теперь они получили более определенную и радикальную формулировку. Значительная часть вопросов так или иначе вошла в программу, проект которой был заранее выработан особой комиссией и затем утвержден с'ездом. Наконец, с'езд выбрал центральное партийное правление, которое, как и раньше, будет находиться в г. Або. Подводя итоги конгресса, не будет преувеличением сказать, что делегаты выполнили колоссальную работу.

Самым жгучим явился вопрос об избирательном праве. Авторы резолюции по этому вопросу подвергли резкой критике устарелую средневековую организацию финляндского сейма, покоящуюся на сословном начале и плутократической системе выборов, которая лишает рабочих возможности посылать в сейм своих представителей. Вполне понятна та резкость, с которой велась эта критика благодаря упорству буржуазии и сельской аристократии, 15-летняя борьба финляндских рабочих до сих пор не дала никаких осязательных результатов. Тем не менее не следовало забывать, что своим высоким культурным развитием страна обязана главным образом финляндскому сейму; особенно не следовало забывать это в виду того политического момента, который переживает теперь Финляндия. В своей критике авторы резолюции зашли слишком далеко и допустили, действительно, несколько неосторожных выражений. Односторонность как этой критики, так и вообще всей тактики Финляндской Рабочей Партии обусловливается ее ненормальным положением. Хотя партия выступает в качестве легальной, но вся ее деятельность стеснена рамками азиатской цензуры. Ей разрешается касаться в своей критике лишь «местного» порядка, но строго запрещено касаться главного виновника всех злополучий Финляндии — российского самодержавия.

В следующей статье мы приведем выдержки из этой резолюции о всеобщем избирательном праве, а также закончим перевод принятой на конгрессе программы соц.-демокр. Финл. Партии. Пока мы ограничимся первой половиной ее: «общими требованиями» и «охраной труда», оставляя, таким образом, «аграрную» и «коммунальную» программу до следующего номера.

ПРОГРАММА ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

I. Общие требования:

1. Всеобщее, равное и прямое избирательное право для всех финляндских граждан, достигших 21 года, без различия пола, при всех, как коммунальных, так и политических, выборах. Пропорциональное представительство; одна палата; тайная подача голосов. Производство выборов в определенный законом праздничный день. Выдача жалованья депутатам, избранным в какое бы то ни было представительное учреждение.

2. Непосредственное народное законодательство, осуществляемое в праве народа предлагать и отвергать законопроекты.

3. Полная свобода союзов, собраний, слова и печати.

4. Обязательное начальное обучение. Даровое обучение во всех учебных заведениях. Даровые учебные пособия и даровое содержание для всех учеников в народных школах; в прочих учебных заведениях — для учеников, отличающихся выдающимися способностями. Преобразование народной школы в школу начальную, программа которой примыкает к программе всех высших школ.

5. Об'явление религии частным делом. Отделение церкви от государства и признание церковных и религиозных обществ обществами частными, которые сами ведают свои внутренние дела. Светская школа.

6. Замена всех прямых и косвенных налогов прогрессивным подоходным налогом, причем ценности, возрастающие независимо от труда, доходы, состоящие из процентов, и наследства должны быть обложены высшим налогом, чем доходы, имеющие источником личные заслуги или личный труд. Обязанность для каждого об'являть свое подлежащее обложению налогом имущество.

7. Бесплатное отправление правосудия, бесплатная защита. Вознаграждение невинно привлеченных к суду, арестованных и осужденных.

8. Забота о народном здравии — дело государства и коммуны. Бесплатная врачебная и акушерская помощь, даровые лекарства.

9. Сокращение расходов на военное дело и введение народной милиции вместо регулярного войска. Осуществление идеи мира.

10. Отмена всех законов, ставящих в общественно-правовом и частно-правовом отношениях женщину ниже мужчины.

11. Повсеместное законодательное запрещение производства и продажи спиртных напитков.

II. Охрана труда:

Финляндская Социал-Демократическая Партия должна энергично поддерживать законодательную охрану труда. Ближайшим образом она требует следующего:

1. Максимальный рабочий день должен быть определен законом в восемь часов, кроме особо вредных производств, в которых время работы требует еще большего сокращения.

2. Повсюду должна быть установлена известная, обеспечивающая необходимые издержки, минимальная заработная плата не только в казенных и коммунальных, но и в частных предприятиях.

3. Ночная работа должна быть повсюду запрещена, за исключением тех производств, в которых непрерывная ра-

бота необходима в силу технических условий. Ночная работа должна быть абсолютно запрещена для женщин и подростков.

4. На отдых должно быть установлено время по меньшей мере в 36 часов под-ряд раз в неделю.

5. Всякая наемная работа должна быть запрещена для детей до 14 лет. Должны быть изданы постановления, охраняющие труд детей (14—16 лет), учеников и подростков (16—18 лет).

6. Работа женщин должна быть запрещена в производствах, вредных для женского организма. Работа для беременных должна быть облегчена и совершенно запрещена с того времени, как труд становится для беременных обременительным, а также в течение, по крайней мере, шести недель после родов.

7. Вышеупомянутые постановления должны распространяться, кроме фабричных рабочих, и на рабочих, занятых в ремеслах и земледелии, на лиц, состоящих в услужении, а также, по мере возможности, и на служащих в торговых заведениях и по транспорту.

8. Для наблюдения за точным исполнением фабричного законодательства должно быть назначено достаточное по условиям производства число фабричных инспекторов и инспектрис; помощники инспекторов должны выбираться из среды рабочих. Для предупреждения преступлений против законов, охраняющих труд рабочих, за нарушение их должны быть назначены строгие наказания.

9. Предоставление выбора членов правления страховых учреждений самим страхующимся.

10. Незаконнорожденные дети и сироты должны получать целесообразный уход и воспитание.

(Продолжение следует.)

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Москва, 9 сентября. Проездом через Москву узнаю, что здесь сегодня началась стачка типографских рабочих. В публике говорят о происшедших будто бы демонстрациях на Мясницкой и на Тверском бульваре. В шестом часу вечера прохожу по Леонтьевскому пер.; у ворот типографии Мамонтова стоит городовой, через несколько шагов встречаю другого, дома через три — еще; но в переулке особенного оживления не заметно. Иду в Чернышевский пер., перед типографией «Русских Ведомостей» — опять городовые и дворники, человек пять; из под'езда выходит господин в фуражке фабричного инспектора и идет во двор в сопровождении одного из дворников. Выхожу на Тверскую, в течение получаса наблюдаю, как по направлению к бульвару идут поодиночке, парами и целыми группами пристава и городовые; вот проезжает закрытая карета с надписью «Тверской полицейский дом»; позади у входной двери сидит городовой с книгой под мышкой. Выхожу на Тверской бульвар: у памятника и по площади перед Страстным монастырем стоят группами полицейские. По всему бульвару сидят на скамейках и прохаживаются типографщики; останавливаются небольшими кружками и переговариваются между собою. Между ними с самым мирным видом прохаживаются пристава и городовые. Рабочих, сидящих и гуляющих, несколько сотен, посторонней публики — самое ничтожное количество; случайно попав на бульвар, обыватели, при виде происходящего, спешат выбраться, из опасения, «как бы чего не вышло». Прохожу до самого конца бульвара к Никитским воротам. Оттуда все время подходят новые и новые группы рабочих. Это час окончания работ на постройках, и через бульвар то-и-дело проходят группами каменщики, маляры и т. д. Около семи часов полиция начинает просить публику расходиться. От памятника в противоположный конец бульвара направляется довольно большая партия рабочих, идут стройными рядами, к ним постепенно пристают новые и новые лица, и вся толпа в несколько колонн проходит через Тверской и Никитский бульвар, в конце которого расходятся. Некоторые останавливаются здесь и оживленно обсуждают положение дел. Подхожу к одной многолюдной группе, — к сожалению, слишком поздно: обсуждение вопросов уже закончено, и сгрудившиеся около говорившего товарища рабочие начинают расходиться. Слышу последние слова, представляющие, очевидно, конечный вывод из всех разговоров: «У нас нет программы, — так нельзя». Расспрашиваю отдельных лиц и узнаю, что забастовала типография Левинсон, на которую будто бы «выпал жребий», и что забастовка была поддержана другими типографиями. Ожидают, что на завтра станут все типографии, и Москва останется без газет. Требуют повышения заработной платы, приблизительно процентов на 30, укорочения на один час рабочего дня и обеденного перерыва. Говорят, что некоторые типографии уже из'явили готовность удовлетворить требования рабочих.

10 сент., 10 час. утра. «Русских Ведомостей» сегодня приютившему меня в своей квартире коллеге не принесли; «Курьера», повидимому, тоже нет (печатается у Левинсона).

12 сентября. Стачка типографщиков в Москве продолжается; десятого из газет вышли только Русский и Московский Листки; вчера «Русский Листок» смог выпустить одни лишь об'явления, «Московский» же выходит в обычном об'еме. Забастовка началась, как я уже писал, во вторник девятого числа. Первой забастовала типография Левинсон, как говорят, по жребию. Тотчас же присоединились и другие типографии. Повидимому, все было решено и организовано заранее. Полиция знала о готовящейся стачке задолго и ожидала ее еще в субботу, думая, что двумя праздничными днями, седьмого и восьмого, стачечники воспользуются для устройства демонстрации. Поэтому уже в субботу начались аресты и обыски среди типографских рабочих; ко вторнику арестованных насчитывалось 21 чел. Рабочие поспешили об'явить стачку во вторник. Забастовщики ходили по всем типографиям и присоединяли их к стачке, пока не забастовали все. Около «Московского Листка» и синодальной типографии была поставлена усиленная полицейская охрана. В синодальной типографии выбили стекла, у «Листка» выломали ворота. Редактор «Русского Листка» Козецкий также заблаговременно обратился в полицию и вызвал наряд. Наборщики не были выпущены из здания, пока не набрали номера. Козецкий об'явил, что удовлетворяет их требования, но на следующий день они все-таки не явились. В «Московском Листке» работают ученики-мальчики, метранпаж и набранные при содействии полиции хитровцы; да и те идут не иначе, как за баснословную цену. Требования забастовщиков формулированы в 12 пунктах. Из них важнейшие: 1. девятичасовой рабочий день, 2. обеденный перерыв в два часа, 3. дежурный врач и фельдшер при типографиях, 4. улучшение гигиенических условий (вентиляция, освещение и т. д.), 5. повышение заработной платы там, где она помесячная, на 20%, а где сдельная — на 25% и т. д. Наконец, стачечники заявляют, что не намерены входить в соглашения с отдельными хозяевами, а желают, чтобы требования их были приняты с общего согласия всех типографских хозяев и чтобы согласие это было засвидетельствовано письменным актом. Выдержка — поразительная для русских рабочих. По отзыву одного офицера, «гг. студентам можно поставить в пример столь достойное поведение типографщиков». Работы остановились во всех типографиях, кроме «Московского Листка», о которой сказано, и Городской типографии, куда трудно проникнуть, так как она вся окружена полицейскими зданиями. У всех типографий дежурят городовые и дворники. Демонстраций в настоящем смысле слова не было. Московский Комитет Партии выпустил воззвание к забастовавшим. Несомненно, что у стачечников есть руководители. Но кто они и где они — никому неизвестно. Полиция совершенно сбита с толку.

Десятого к стачке присоединились переплетчики, а одиннадцатого уже были разговоры о забастовке среди кондукторов и других рабочих конножелезных дорог. Всех типографских рабочих в Москве около 23 тысяч.

Любопытно отметить, что наборщики «Русских Ведомостей» бастуют почти исключительно ради солидарности

с остальными. Условия работы в «Р. В.» почти удовлетворяют всем требованиям бастующих, и на некоторые улучшения редакция согласна *.

На происходивших в эти дни совещаниях типографщики-хозяева пришли к соглашению понизить рабочий день до 10 час. (обычно теперь 12 час., в «Русск. же Вед.» для дневных смен — девять час., для ночных — восемь) и повысить сдельную заработную плату до 18 коп. с 1.000 букв набора, а месячную довести до 35—40 руб. (в «Русск. Вед.» уже и теперь платят по 18 коп. с 1.000, а месячное жалование наборщика равняется 50 руб.; они согласны прибавить еще пять руб.; тогда рабочие об'явили, что желают прибавки в 15 руб.).

В публике усиленно говорят, что где-то были окружены и загнаны в манеж человек 200 рабочих, которые частью развезены по участкам, частью выпущены. Что девятого было много арестованных—это несомненно. Один знакомый, живущий как-раз напротив Пречистенского полицейского дома, рассказывал мне, что всю ночь (на десятое число) не мог заснуть, так как беспрестанно трещали извозчичьи пролетки, подвозившие к тюрьме арестованных. Говорят, теперь полиция принимает меры к высылке забастовщиков на родину. Появилось будто бы об'явление обер-полицмейстера, что кто не станет на работу сегодня (12-го), тот может получить расчет в участке или у себя на родине также при содействии полиции.

О д е с с а. (Приводим письмо работницы, дающей характерный рассказ о знаменитых днях одесск. всеобщ. стачки)[14]. У нас до этого времени все время было брожение, раб. были веселы, шли оживленные разговоры, все ждали того времени, когда у нас забастуют, решено было начать забастовку в пятницу 17-го числа по окончании и сдаче работы. Пришел мастер и заявил нам, что хозяин просит на об'яснение, сказал, чтобы каждое отделение выбрало по одному рабочему из своей среды и чтобы они в субботу вечером пришли к нему. Решено было так: получить деньги и об'яснение от хозяина и не явиться в понедельник на работу. Однако вышло не так, как мы думали: в среду мы были вызваны рабочими.

Работали мы все спокойно, вдруг слышим крик и свист. Рабочие перепугались, не понимая, что такое, кто зовет их, для чего именно, для чего вызвали всех. Поняли только сознательные рабочие. Они поняли, что их зовут товарищи на борьбу с капиталистами-эксплоататорами и с тем, кто, в короне, пьет также кровь народа. Мы слышали смелый призыв с улицы, не страшились его, у нас явилась бодрость и вера в будущее, и мы смело вышли на улицу, звали наших рабочих: «Идем к ним! Никто не посмеет нас бить!»

Но меня интересовало до выхода из завода, кто пришел. Я подошла к окну и вижу: масса рабочих машет платками, некоторые держат палки и кричат: «Товарищи, бросайте работать!». Я побежала наверх, вижу—все побросали машины, некоторые их почистили, а некоторые — нет, директор взволнован и мастера не понимают, что такое: пожар что ли, что рабочие бегут? Но когда узнали, в чем дело, что не пожар, тут-то беда: ворота затворились, как у Саввы Морозова... Делать нечего, отворяй скорей ворота, выпускай рабочих... Без десяти минут дали гудок.

Когда мы вышли, то нас встретили свистом, как-будто на зло капиталистам, что наша возьмет. Тогда мы присоединились к товарищам и всей массой пошли к заводу Енни и там вызвали рабочих и так же торжественно встретили их. Присланы были казаки, чтобы разогнать рабочих, но не разогнали, потому что стояли тихо, но указывали на их службу, на жизнь, как они живут и для чего они служат. Так прошел первый день. На второй день назначена была сходка, и все стали расходиться по домам. Но для меня эта ночь была не для сна, всю ночь не спала, думала, как будет завтра, как поймет вся масса темная эту борьбу сознательных. День был ясен, с утра стал народ сходиться на сходку. Мы должны были явиться к заводу и забрать всех рабочих. Больших трудов стоило созвать всех рабочих на сходку. Когда мы пришли, то народ там уже был, много было ораторов. Часть собравшихся пошла к соседнему заводу, чтобы вызвать рабочих. Рабочие были вызваны. Тогда все сели на траву, и оратор говорил речь; по окончании речи были спеты революционные песни. Во время пения каждый забыл то, что гнет и давит и не дает развиться, забыли даже шпионов, которых правительство прислало, чтобы выловить вредных для него людей. В то время для нас ничего не было ужасного. Перед нами рисовалась картина счастья, свободы и братства; солнце приветствовало нас, и деревья шумели и как-будто шептали о свободе. Но не все поняли, что такое свобода. Те, которые не поняли, стали уходить и креститься, говоря: «Господи, неужели можно без него; да и что нам он, нам нужно с капиталистами бороться, а не с царем». Но вот другая картина. В глуши сада — масса людей, и оратора держат на плечах. Он говорит речь о борьбе с врагом. Тут масса покрывает конец речи криками: долой самодержавие! А в другой стороне также говорят, как нужно бороться за свою жизнь и счастье всех людей. После всего этого всей массой пошли по всем заводам кругом, вызывали рабочих присоединиться к борьбе, чтобы показать капиталистам, что сила в руках рабочих. И так весь день ходили по всем улицам города. Интересная картина была в гавани, когда освобождали всех рабочих и выпускали из парового котла пар. На пароходах раздавались гудки за гудками. Мальчики подростки 12—13 лет выпускали пар и звонили в колокольчики. Кругом смех, говор. Все были веселы, делились всем, что у кого было, бубликами и водой, все были товарищи и, казалось, верили, что добьются хорошего. Посреди улицы останавливались, говорили речи, затем шли дальше, и так до вечера. Вечером опять пошли на то самое место, где были утром, затем назначена была на другой день сходка; все опять разошлись по домам. Все эти дни жертв никаких не было, только одно происшествие случилось: на пароходе капитан толкнул одного мальчика и разорвал ему рубашку, но тут за него вступились рабочие. Капитан видит, что дело плохо, дал мальчику рубль, тем и закончилось происшествие.

На третий день многие рабочие пред'являли хозяевам требования. Мы тоже пред'явили: 8 часов, повышение заработной платы и еще некоторые. Но хозяин нам заявил, что прибавки он сейчас не даст, подумает, можно ли это или нет, а до того времени чтобы шли на работу: «Что вам даром ходить с теми, которые бунтуют вас; я, ведь, знаю, что среди вас есть девушки, которые содержат родных, так как же вы думаете прожить, не работавши?». «Мы, — говорит, — без вас месяца два проживем, а как вы без нас проживете?» Рабочие не обратили на это внимания, стали расходиться постепенно; после обеда выдан был аванс всем. В то время когда рабочие расходились, приехал из комитета «независимых» оратор, стал читать требования и говорит, чтобы рабочие прислали от себя одного представителя с этими требованиями в комитет Шаевича. Многие хотели пойти записаться, но в конце концов никто не пошел, и все постепенно разошлись по домам.

Нас несколько пошли на сходку. Мы звали всех своих рабочих на сходку, они нам ответили: «Не нужна нам сходка, там все социалисты, которые не хотят царя; нам нужно бороться за экономическое, а не за политическое». Мы не обратили на них внимания, пошли на сходку. Жара была ужасная, но напиться воды было где: жители того района поняли, что борются за лучшую жизнь, они выносили ведрами на улицу воду, чтобы люди утоляли свою жажду. Когда мы стали подходить к месту сходки, я была изумлена громадным наплывом народа. Всех влекло сюда одно желание — послушать, что будут говорить в этот день, какими средствами и как бороться с капиталистами. Подходя к месту сходки, вдруг видим, что народ бежит. Я удивилась, спрашиваю: «что такое? почему вы бежите?» Они говорят: «Не ходите туда, там „спицалистов“ гонят и бьют». Я не обратила внимания на то, что говорили. Придя на сходку, я поразилась: первый раз в жизни увидела столько народа; что-то было необыкновенное, шум, свист. Когда я подошла ближе, то увидела такую картину: к востоку масса народу, а между ними ораторы говорили речи; а к западу тоже людей масса; кто чем занимался,

* Среди требований забастовщиков забыл отметить требование об избрании во всех типографиях старост по новому закону.

некоторые разделились на цехи; кто сидел, говорил, кто пел. В это время каждый чувствовал себя гражданином, думал, что настало то время, что можно свободно собираться, говорить, петь. Но свободы не было: присланы были солдаты. Когда народ увидел их, стал расходиться, но не все; некоторые остались, продолжали свои дела. Тогда дан был солдатам приказ — приложить штыки к народу. Началась свалка. Каждый хотел себя защитить, бежали и душили друг друга. Но вот вышли все в открытое поле, сорганизовались вместе и выбросили красное знамя, а другое — маленькое из белого платка с красной каймой свеже-пролитой народной крови. Когда я увидела это, сердце забилось у меня, рвется туда, где товарищи несут гордо и смело знамя свободы, поют песни, зовут на борьбу всех, чтобы завоевать всем счастье, равенство и свободу всему народу. И вот постепенно исчезает из виду все. А тут ведут товарищей раненых, а там позади на обрыве остались одни шпионы «независимые». Они зовут к себе: «К нам! мы ваши друзья и защитники!» Им в ответ кричат: «Долой шпионов, долой независимых!» И так закончилась сходка.

Настали тяжелые дни. Слухи носились кругом, что демонстрантов всех забрали и очень били. По всему городу расставлены были патрули: казаки и солдаты. Заводы все стояли, гудков не было. Полиция суетилась, брала кого попало; кто хотел, указывал, кого знал; с улицы, из сада брали, но через несколько дней стали выпускать.

Мы от 19 числа и до 23-го сходились с оставшимися товарищами в саду после обеда для решения наших дел, как действовать далее, чтобы поддержать нашу стачку. Мы всегда сидели до 11 часов. Кто что услышит, сейчас об'ясняет, и мы все разбираем подробно. Кто что имел — приносил, вместе делились. И так мы себе представляли, что это была у нас коммуна; так было радостно в кругу товарищей, но, когда наступал час итти домой, становилось жутко на сердце. Думалось, что теперь делается в тюрьмах и как живут наши товарищи. Так все время я мучилась душой, как можно помочь всему этому; но все было напрасно: цепи скованы еще. И так проходили дни до 23-го числа; все старания поддержать стачку были напрасны. Многие просились на работу. 23-го числа все вышли на работу, в других заводах раньше пошли работать. Прибавки некоторые заводы дали, но большею частью не добились ничего. Зато проснулись многие от долгого сна. Мы ждали, что нам будет всем расчет; но пока неизвестно, что мы социалистки, и теперь будем работать еще упорнее. Настанет время, когда скроется тьма; а теперь, пока что будет, а тьмы много; так будемте все вместе дружно работать, не страшась ничего. Ждет нас свобода, не минет и тюрьма. Поклон всем организаторам Одесского Комитета, чтобы они не плошали, а прислали нам побольше прокламаций.

О д е с с а. Листок о фабричных старостах[15] с категорическим предложением отказываться от выборов выпущен был Од. Ком. с.-д. еще в начале августа. В этом же направлении велась усиленная устная агитация. Агитация эта имела несомненный успех: так, на заводах Каца (400), Гена (300), Вальтуха (150) и в железнодорожн. мастерских (2.500) рабочие наотрез отказались даже приступить к выборам старосты. Фабричный инспектор приезжал на крупные заводы и упрашивал рабочих принять старост, доказывая, что новый закон издан для того, чтобы правительство могло лучше знакомиться с нуждами рабочих. «Не нужно нам таких законов!», «Шпионский это закон», кричали рабочие, дружно отказываясь от нового царского «благодеяния». Старосты учреждены только на некоторых мелких заводах. Большею частью хозяин говорил наиболее «преданному» рабочему: «ты будешь старостой», и таким патриархальным порядком производились выборы.

Местные соц.-демократы полагают, что массовый отказ по всей России или, по крайней мере, в крупных промышленных центрах имел бы крупное агитационное значение. Как показывают вышеприведенные факты, такая постановка вопроса нашла живой отклик в рабочей массе.

(Заметим, с своей стороны, что мы считаем более правильной тактикой не отказываться от выбора старост вовсе, а вести неуклонную борьбу против извращения выборов, против попыток шпионства через посредство старост и т. д. Мы высказались уже об этом в № 46 «Искры». Р е д.).

К е р ч ь. 8 и 9 сентября забастовали рабочие русского и российского пароходного общества, требуя повышения заработной платы. Рабочих рассчитали, и на их место присланы были солдаты. 12-го забастовали рабочие маленького завода Бухштаба, отсюда забастовка перекинулась на табачную фабрику Месаксуди, потом на мельницы (их две), а там присоединились и ремесленники. Забастовавшие рабочие ходили всюду, приглашая рабочих пристать к ним и требовать повышения платы. Некоторые приставали с удовольствием, на других приходилось действовать силой, т. е. останавливали машины и выгоняли рабочих. Магазины были закрыты, хозяевами города в этот день были рабочие. Градоначальник растерялся было, но потом придумал следующее: когда вся масса рабочих и публики сконцентрировалась возле фабрики Месаксуди (им казалось, что тут еще работают), градоначальник, недолго думая, телефонирует пожарному обозу, что фабрика горит, а пока что стал разгонять публику и там, где находил малейшее сопротивление, давал волю рукам и ногам. Таким образом он ударил ногой одну курсистку (Уманскую), которая не хотела уйти со своего моста. Она бросила ему на всю улицу подлеца, и теперь она обвиняется в подстрекательстве толпы и в оскорблении градоначальника при исполнении обязанностей. Вскоре после этого инцидента явился пожарный обоз; полицмейстер велел растерявшемуся рабочему качать, и вдруг толпу обдала сильная струя воды. Все разбежались по сторонам на несколько минут, а потом, опомнившись, исколотили пожарного, а кишку разорвали на части. Отсюда масса отправилась к вокзалу за железнодорожными, здесь выпустили пар из паровоза, и вечерний поезд не мог уйти. Градоначальник, после неудавшейся попытки тушить пробудившееся чувство возмущения водой, вызвал солдат. Толпа возвращалась с вокзала часов в 12 ночи (погода была ужасная, дождь лил как из ведра). Масса устала, измокла, но уходить и не думала. Вдруг офицер скомандовал атаку. Солдаты со штыками наперевес бросились на внутреннего врага и разогнали его. 13-го город по телеграмме был об'явлен на положении усиленной охраны; комендантом крепости было призвано 18 рот. Местная организация выпустила прокламацию, призывая рабочих к демонстрации и к сходке на горе Митридат. Утром на этой горе собралось около 2.000 рабочих; держал речь один интеллигент, указал, как должны держать себя рабочие, чтобы выиграть стачку. С Митридата рабочие отправились к агентству, где работали портовые, которых уже удовлетворили. Когда толпа стала напирать на ворота агентства, скомандовали солдатам стрелять. Был убит ни в чем неповинный старик, шедший с хлебом, и ранен один рабочий. Начались массовые аресты на улице. (Интересная подробность: на баркасе работали грузины, их скорей отправили в море, боясь их ножей). Толпа отправилась к участку, требуя освобождения арестованных товарищей. Тут снова раздались выстрелы, ранили двух (из них один уже умер), убили одного и много легко раненых. Выстрелы напугали толпу, и демонстрация не удалась. Войска наводнили город, разгуливая с одной улицы на другую и терроризируя население. 13-го приехал фабричный инспектор, градоначальник в вывешенных об'явлениях приглашал приступить к работе, обещая, что инспектор об'едет все фабрики и заводы и расспросит о нуждах рабочих. Рабочие поддались на удочку, начали работать. В результате — портовые получили прибавку, больше никто ничего. На похоронах были произнесены две политические речи тем же интеллигентом. Его долго не арестовывали, так что ему удалось даже бежать в Новороссийск, но перед самым отходом парохода за границу его арестовали. Арестовано 100 рабочих и 3 интеллигента.

Ф е о д о с и я, Таврической губ. В ночь со второго на третье августа по всему городу были разбросаны прокламации в количестве 900 экз. — к рабочим и 400—к интеллигенции. В ту же ночь на улице арестованы двое рабочих,

подозреваемых в разбрасывании прокламаций (сидят в тюрьме). Полиция успела до утра подобрать 340 экз. Прокламации вызвали забастовку портовых рабочих, в количестве 300—400 чел. Требования были следующие: 1) за выгрузку из вагона зерна в мешках — 2 руб. 25 коп. вместо получаемых 1 руб. 50 коп.; 2) без мешков, т. е. насыпью, 3 р. 50 к. вместо 2 р. 50 к.; 3) погрузка на пароход 6 коп. с четверти вместо 5 коп.; 4) уничтожение артели (артельные рабочие пользовались преимуществом, получая чаще работу от контор, и только в случае недостаточного количества артельных рабочих последние нанимали от себя рабочих поденно, которых эксплоатировали в свою пользу). Забастовка продолжалась два дня. Все требования удовлетворены. По этому поводу здесь был губернатор Трепов. Беседуя с рабочими на пристани, куда они были созваны, он заявил, что, если кто-нибудь осмелится выразить недовольство, то немедленно будет выслан из Феодосии; рабочие, мол, должны всегда помнить, что он сильнее их.

В главном ресторане официанты, в числе 15 чел., устроили стачку. Причина та, что хозяин не только не платил жалованья, но еще брал у последних по 5 руб. в месяц. Забастовка продолжалась несколько дней. Принято обратно 5 чел. на жалованье по 5 руб. в месяц; остальные поступили в другие рестораны.

(Обе упоминаемые в корреспонденции прокламации доставлены в редакцию. «Феодосийская Социал-Демократическая Рабочая Группа» излагает события на всем юге и зовет к борьбе за свободу и за социализм. Изданы прокламации на гектографе).

Екатеринослав. В последних числах июля рабочие, в количестве 90 чел., собрались в степи за Брянским заводом для обсуждения своих нужд. Собрание приходило к концу, когда раздались тревожные свистки расставленных рабочими сторожевых патрулей. Рабочие выстроились в несколько рядов и пошли сомкнутой группой к Брянскому заводу. Навстречу им выскочило человек пять конных городовых, которые остановились в недалеком расстоянии от рабочих; те продолжали свой путь. Вскоре появилось еще до 30 конных городовых под предводительством пристава и околоточного надзирателя, городовые выстроились в ряд, одни выхватили револьверы, другие вооружились нагайками и бросились на рабочих. Те не выдержали натиска и разбежались в разные стороны. Началась дикая вакханалия — натешили городовые свои подлые души, били рабочих до полусмерти, особенно сильно избили одного шестнадцатилетнего юношу; от него требовали назвать фамилии присутствовавших на собрании, но он не назвал их. Били его сначала нагайками, затем рукояткой нагайки, товарищ хотел защитить руками голову от ударов, руки его сплошь черные и искровавленные, но и голова не в лучшем состоянии: заплыли глаза, черные полосы — следы нагайки по всему лицу. Подобный же вид имеет и девушка, единственная бывшая на собрании. Когда городовые напали на рабочих, то лошадью сшибли ее с ног, таким образом она осталась позади товарищей. Встав с земли, она пошла к Брянскому заводу; городовые, разогнав и избив рабочих, возвращались домой и настигли девушку; тогда каждый из них под'езжал к ней и ударял ее нагайкой со словами: «получи, негодница, и от меня»; затем несколько зверей, трудно назвать их людьми, схватили девушку за руки и ноги и начали бить ее по голому телу; в заключение, их руководитель, околоточный надзиратель, предложил городовым произвести над девушкой гнусное насилие, но отчаянные крики и сопротивление девушки заставили их отказаться от своего намерения.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КОНГРЕСС АНГЛИЙСКИХ ТРЭД-ЮНИОНОВ.

Капиталистическая печать континента Европы не прочь при случае, например когда надо ругнуть социал-демократов,—похвалить английских рабочих за их рассудительную умеренность и равнодушие к социализму. И она права в своих похвалах: социализм, действительно, плохо прививается в Англии. Единственная организация, стоящая здесь на почве учения Маркса, — Социал-Демократическая Федерация[16], насчитывает после двадцатилетнего существования всего от 20 до 30 тысяч членов и располагает весьма ничтожным количеством материальных и интеллектуальных сил, которых хватает только на издание тощей еженедельной газеты «Justice» («Справедливость»); другая социалистическая организация, так называемая «Независимая Рабочая Партия»[17], с еженедельным органом «Labour Leader» («Вождь Труда»), пользуется несколько большим влиянием, но социализм ее довольно низкопробный, с сильным народническим привкусом; третья, «Фабианское Общество»[18], реформаторский социализм которого вдохновил пресловутого Бернштейна на «пересмотр» марксизма, работает исключительно в буржуазной среде. Здесь не приходится распространяться об исторических причинах такой социалистической отсталости английских рабочих. Достаточно будет отметить, с одной стороны, великолепную организованность господствующих классов, их уменье управлять без помощи крутых мер, выработанное веками, их воздержание от мелочных придирок и готовность на мелкие уступки, ослабляющие стихийное раздражение рабочих, искусство, с каким они умели держать народ во тьме (так, народные школы, содержимые на общественный счет, были заведены в Англии впервые только в семидесятых годах, а раньше существовали только частные школы, устроенные попами, да и то в ничтожном количестве), и т. п., и с другой стороны — сложность задач, представляемых уму рабочего экономической и политической жизнью такого государства, как Англия, раскинувшего свои владения во всех частях света, вынужденного в большей мере, чем какое-либо другое, заниматься международной политикой — область, в которой из-за традиционного «патриотизма» особенно легко забывается классовая рознь. В царстве «законности» и самой широкой политической свободы только социализм может выделить рабочих в особую партию. Отнимите у рабочего социализм, и он становится обыкновенным обывателем, консерватором или буржуазным демократом, если не индиферентистом, и самодовольно плетется в хвосте «респектабельных» буржуазных партий. И мы видим, что чуждающееся социализма английское рабочее движение не об'единено политически в независимое целое, не сливается в одну могучую реку, а растекается по множеству русел. Фактическим представителем его являются союзы рабочих по промыслам — трэд-юнионы. Их более тысячи, и охватывают они около четверти всего числа рабочих. Сто наиболее крупных трэд-юнионов заключают в себе две трети всех трэд-юнионистов (более миллиона человек), их запасные фонды превышают 26 миллионов руб., а годовой доход составляет более 20 миллион.; значительная часть этого дохода тратится на об'единенную взаимопомощь, избавляя тем государственную казну от «непроизводительных» расходов, и приблизительно одна пятая служит боевым целям. Денежная сила трэд-юнионов внушает капиталистам известное чувство уважения к ним и склонности итти на мировую, если требуемые уступки не слишком велики, но это уважение смешано со страхом и с желанием сокрушить трэд-юнионы, пока они не наделали слишком большой беды. Нужды нет, что заграничные буржуа, запуганные социал-демократией, поведение английских рабочих ставят своим в пример, — английские капиталисты, которым бояться социал-демократии не приходится, не склонны видеть в трэд-юнионизме громоотвод; так или иначе, а трэд-юнионы обуздывают самодержавный произвол капиталистов, и потому их надо сокрушить. Потеря Англией прежнего монопольного положения на всемирном рынке делает капиталистов весьма склонными уравновешивать сокращение прибыли урезыванием заработной платы, а прогрессирующая концентрация капитала, стихийная и планомерная (оформленные и неоформленные тресты), повышает его боевую силу и боевой задор. Поборники законности, капиталисты, решили сокрушить трэд-юнионизм самым законным образом — с помощью судов. Последним аргументом трэд-юнионов при переговорах с предпринимателями является стачка. Закон разрешает стачки, но разрешает

также предпринимателям замещать стачечников новыми рабочими. Если трэд-юнион помешает последним стать на работу или убедить не подрывать своего же брата, фабрика станет, и предприниматель понесет убытки. А кто ввел ближнего в убытки, обязан возместить ему их. Сообразив это, капиталисты начали с 1900 г. пред'являть к трэд-юнионам иски за подобные убытки, и суды находят иски правильными. Одна железная дорога взыскала таким манером с союза железнодорожных рабочих целых 400.000 рублей за убытки, причиненные стачкой, и эта новая тактика начинает завоевывать самые сильные симпатии в капиталистическом мире. Добродетельным трэд-юнионистам, практичным и умеренным, приходится поневоле задуматься над своим положением, и мысль о недостаточности чисто профессиональной борьбы навязывается сама собою. В руках у капитала суд, в его руках законодательство, в его руках управление, народная казна, церковь, школа, пресса. На помощь консервативной или либеральной партии надеяться нечего, рабочим надо образовывать свою. Но это дело нелегкое. Трэд-юнионы далеко не представляют готовых органов могучей рабочей партии, они слишком дорожат своей «независимостью», слишком привыкли действовать вразброд, а помимо трудностей организационных есть еще и программные. Нет партии без программы, а «программу работников» должен составлять социализм, а последний, как было сказано в начале этой статьи, в Англии не в авантаже обретается... Три года назад часть трэд-юнионистов сообща с «Независимой рабочей Партией» и «Фабианским Обществом» образовали «Комитет представительства труда» [19], цель которого проводить на выборах в парламент рабочих кандидатов. В настоящее время к Комитету примыкает около 800.000 трэд-юнионистов, вносящих на нужды новой рабочей партии по 4 к о п. в год. Щедрое пожертвование!.. От кандидатов в парламент Комитет требует, чтобы они не поддерживали кандидатов других партий и в парламенте держались солидарно и независимо от других партий «в вопросах, касающихся труда». Программы нет никакой. Социал-Демократическая Федерация вступила-было в Комитет, но скоро вышла, не успев убедить его принять классовую борьбу за принцип своей деятельности. Какие вопросы «касаются труда» и какие не касаются, — Комитет не постарался до сих пор выяснить, но уже самая мысль о существовании вопросов, «не касающихся труда», характерна и оправдывает сарказм Чемберлена [20], что рабочие депутаты — очень хороший народ у себя в мастерской, в парламенте же похожи на рыбу, вынутую из воды.

Предыдущее изложение уяснит читателю смысл того, что происходило на нынешнем трэд-юнионистском конгрессе, заседавшем в Лейстере с 7 по 15 сентября (н. ст.). Главным вопросом, обсуждавшимся на конгрессе, был именно вопрос о необходимости самостоятельной рабочей политики. Царящая на этот счет в головах трэд-юнионистов путаница прекрасно выразилась в речи председателя конгресса, члена союза сапожных рабочих Горниджа. Он обрисовал весь вред для рабочего класса от капиталистических судов и законодательства и настаивал на необходимости для рабочих иметь своих собственных представителей в парламенте, эти представители должны быть непременно рабочими же, но в то же время людьми с «широкими взглядами», понимающими, что отдельным секциям общества иногда надо потерпеть для блага целого; они должны держаться независимо, но не чуждаться сторонней помощи (т. е. кооперации с либералами) и расплачиваться за нее услугами с своей стороны... Классовую войну Горнидж отвергал, потому что она противоречит идее братства людей: «истинная человечность не знает классов... Эта проповедь самопожертвования, бескорыстия и незлобия, обращенная к обездоленному классу, стяжала оратору похвалы со стороны самого «Times'а»: дескать, человек обнаружил понимание того, что, в сущности, все классы имеют одинаковые интересы... Прения начались с вопроса об отношении трэд-юнионистов к «Комитету представительства труда». Представитель союза газовых рабочих Пит Керран предложил резолюцию, одобряющую образ действий Комитета и рекомендующую трэд-юнионам, еще не примкнувшим к нему, поспешить сделать это. По поводу этой резолюции поднялись прения о независимом образе действий рабочих депутатов в парламенте, проповедуемом Комитетом. Выше было сказано, что независимость Комитет находит обязательной только в «вопросах, касающихся труда», но даже и такая независимость показалась непрактичной и опасной сторонникам кооперации с либералами, и они предлагали устами Р. Белля, депутата парламента и секретаря союза железнодорожных рабочих, «независимость с кооперацией». Тем не менее резолюция прошла большинством двух третей голосов. Представитель союза кирпичников предлагал, чтобы «Комитет представительства труда» состоял из одних трэд-юнионистов, иначе посторонние начнут вертеть им; это предложение, направленное против социалистов, провалилось, подобно «кооперации». Насчет общей программы рабочей партии Конгресс не рассуждал вовсе и по старой привычке ограничился разбором желательности отдельных законодательных мер, как-то: расширение ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими на все отрасли промышленности, восьмичасовой рабочий день, третейское разбирательство в случае стачек, пенсии старикам и т. п., причем высказался за все перечисленные меры, кроме третейского суда. В виду того, что депутаты парламента теперь не получают жалованья и даже расходы по выборам должны покрывать из собственного кармана, чем затрудняется доступ в парламент рабочим Конгресс высказался за желательность назначения депутатам жалованья и отнесения расходов по выборам на счет казны. Недавно правительство нарядило комиссию для пересмотра узаконений о стачках; из трэд-юнионистов в эту комиссию не попал никто, и потому Конгресс решил, чтобы трэд-юнионы не имели с нею никакого дела. Таковы важнейшие из резолюций Конгресса. Надо упомянуть еще об осуждении им протекционизма, проповедуемого Чемберленом. Наконец, Конгресс постановил издавать ежедневную рабочую газету. Разработка плана издания поручена «Комитету представительства труда», «Федерации трэд-юнионов» и Комитету, выбираемому ежегодно Конгрессом для наблюдения за движением рабочего законодательства в парламенте.

[Н. Алексеев]

ЦАРЬ В ВЕНЕ.

За последний месяц Вену посетили три коронованных особы: английский король Эдуард, германский император Вильгельм и, наконец, Ника-Милуша, самодержец всероссийский. Как известно, коронованные особы падки до торжественных пышных встреч. И вот почему для своего в'езда в Вену Эдуард выбрал праздничный, а Вильгельм — воскресный день. В эти дни никто не работает, все лавки и магазины закрыты, народ свободен. Как Эдуард, так и Вильгельм ехали по Вене медленно и дали возможность всем желающим, главным образом детворе и зевакам, которые стояли шпалерами по обеим сторонам улиц, видеть их в лицо, а полицейские подбадривали зрителей, чтоб громче кричали «Hoch!» (ура). Не то было при в'езде русского царя, к которому готовились целые три недели.

Первыми приехали встретить царя русские шпионы. Плеве и Ламздорф, как видно, мало надежды возлагали на австрийскую полицию, которая, не принимая никаких экстраординарных мер при в'езде Эдуарда и Вильгельма, показала миру, что в австрийской столице представители конституционных держав могут свободно, без всякой опасности для своей жизни, раз'езжать по улицам. На подмогу русским шпионам был поднят на ноги весь штат тайной и явной австрийской полиции. Путь, по которому должен был следовать царский поезд, был тщательно осмотрен несколько раз. Тщательно осмотрены были также залы западного вокзала. Каждая трещина, каждая щель подверглась специалистами инженерного и строительного искусства самому строгому испытанию. Еще за неделю

до приезда царя заперли залы вокзала и никого туда не впускали. Саперные и железнодорожные батальоны оберегали целых два дня путь, около каждой стрелки и около каждого поворота стояло высшее доверенное лицо. Царь до того боялся Вены, что не решился даже в'ехать в город, а прямо с вокзала покатил через пригородные участки в летний дворец, так называемый Шенбрунн. Лошади мчались как бешеные, и редкий счастливец мог заметить две фигуры в вышитых костюмах и по очертанию каждой фигуры догадаться, кто Франц-Иосиф и кто Ника-Милуша. Улицы, ведущие от вокзала до Шенбрунна, были запружены солдатами всех родов оружия. Вместо венцев царь имел удовольствие видеть одни военные шапки да лес блестящих штыков. Сзади солдат стоял редкий ряд переодетых шпионов и жандармов, которые должны были представлять народ и кричать «ура!». Настоящий же народ был оттеснен полицейскими далеко-далеко от улицы, по которой ехал властелин Российской державы.

В Шенбрунне царь пробыл только три часа, после которых опять-таки задними закоулками пробрался в деревню Генценсдорф, находившуюся благодаря своему высокому гостю чуть ли не на военном положении, где сел на поезд и поехал в штирийское имение Франца-Иосифа на охоту. Вот как царь видел Вену! Вот визит, оказанный царем венцам! Русское правительство, как видно, все сделало, чтобы показать, в каком страхе и в каком недоверии к людам проводит свою жизнь царь-миротворец, властелин 130-миллионного народа. Шуткам и остротам по поводу этого в'езда и от'езда не было конца. «У царя совесть нечиста, он не может людям в глаза смотреть!» «Точно вор прошмыгнул он по венским улицам, — только его и видели!» — и так далее.

Мюрцштег, где охотился царь, был оцеплен солдатами. Движение по проезжим дорогам приостановлено. Лесные тропы для пешеходов охранялись жандармами, и по ним никого не пропускали. Жители Мюрцштега заперлись в своих домах. «Местность почти вымерла», — пишет корреспондент одной буржуазной газеты. Полиция до того измаялась, охраняя и оберегая священную особу царя, что молила бога, скорей бы убрать его отсюда. Но и в Мюрцштеге, этом уединенном уголке, под призором тысяч шпионов и жандармов, царь чувствовал себя неспокойно и жил в вечном страхе. Он, как видно, перестал доверять своим охранителям и начал усматривать в лице каждого шпиона своего врага. Только этим и ничем другим можно об'яснить решение царя оставаться на охоте не более двух дней, тогда как Вильгельм в лесах Венгрии без всякой особой охраны охотился свыше десяти дней, а Эдуард в «страшной» Вене провел целую неделю. Зато после от'езда царя все вздохнули свободнее: и обыватели, и полиция.

Венские буржуазные газеты, получив, вероятно, предписание свыше, пели хвалебные гимны царю-миротворцу, руки которого обагрены кровью сотен пролетариев. Иначе держалась «Рабочая Газета» [21]. Напомнив читателям о «доблестных подвигах» русского правительства в Вильне, Златоусте, Ростове, Кишиневе, Батуме и других русских городах [22] и сделав дельную характеристику русскому царизму, она заканчивает: «Самое лучшее приветствие, которым мы можем встретить русского царя, будет: да здравствует русская революционная социал-демократия!». Но кроме рабочей прессы приветствовал русского царя и организованный пролетариат.

За два дня до приезда царя в Вену в ресторане «Три ангела» состоялся общеславянский социал-демократический митинг. Здесь произносились речи на чешском, польском, малорусском, хорватском и словенском языках. Когда кто-то из ораторов в своей речи произносил слово: «царь», то оно встречалось громогласным: «тьфу! долой его!» — это организованный пролетариат выражал свое презрение русскому царизму. По окончании собрания была вынесена следующая резолюция.

По адресу царя:

«Царь! Мы ненавидим вас, как только может сознательный человек, борющийся за братство и равенство, ненавидеть узурпатора и тирана. Царь-самодержец! Мы проклинаем вас, как те сто тысяч граждан русского государства, которым вы насильно навязываете свою волю, свое мировоззрение. Мы проклинаем вас, как те, на которых с беспощадным насилием вы напяливаете ярмо подданства и рабства.

«Царь — глава церкви! Мы упрекаем вас в ненависти к собственному народу и к культуре, так как, руководясь жестокосердием и низкими побуждениями, вы бросаете в тюрьмы благороднейших и идеальнейших людей, цвет нации, которую вы порабощаете, словом тех, которые поставили себе в обязанность выполнить историческую миссию уничтожения произвола и освобождения народов. Царь! мы об'являем вас, вашу систему абсолютного самодержавия и всех ваших помощников позорищем славянства и его культуры».

По адресу преследуемых:

«Наши симпатии принадлежат русским, польским, финляндским и прочим гражданам, которые об'являются преступниками только за то, что распространяют идею национальной, политической и социальной независимости.

«Вам, граждане и братья, сочувствуем мы, в вас мы видим носителей действительной культуры. Вам, жертвам царского деспотизма, высокомерной заносчивости, вам, стонущим в тюремных подвалах и крепостных казематах, вам, изнывающим в сибирских тундрах только потому, что добивались благосостояния и справедливости для всех, — вам протягиваем мы по случаю приезда вашего тирана свою братскую мозолистую руку и выражаем свою уверенность, что в будущем будут учтены ваши крупные жертвы и что ваши многострадальные головы будут по заслугам окружены ореолом бесконечного уважения и долговечных воспоминаний.

«Душой мы с вами, мы знаем ваши чувства и убеждения, по возможности поддерживаем мы вас, распространяя сведения о преступных деяниях царского абсолютизма. О тех же, которые пали жертвами в политической и социальной борьбе с темными силами русского абсолютизма и его помощниками, мы сохраним благодарное воспоминание. Пусть их красная, палачами пролитая кровь принесет красные цветы и плоды на славу прогресса всего славянства и всего народа».

Резолюция была единогласно принята. Собрание об'явлено закрытым. Распевая «Красное знамя», рабочие медленно очищали зал.

Накануне же самого приезда царя состоялся митинг, созванный общеавстрийскими социал-демократами. Зал был битком набит. Присутствовало около 4.000 человек — около 90% присутствовавших составляли рабочие и, главным образом, организованные рабочие. Говорили ораторы Скарет и Элленбоген. Настроение толпы было самое возбужденное. Русский царь награждался как ораторами, так и присутствовавшими далеко нелестными эпитетами, вроде «Кровопийца! Негодяй!» Когда Элленбоген описал похождения фон-Валя [23] в Вильне и Богдановича в Златоусте, возбуждение присутствовавших достигло своего кульминационного пункта. Правительственный комиссар несколько раз прерывал ораторов и даже делал попытку закрыть собрание, но, видя настроение рабочих, принужден был отказаться от этой попытки. Кончая свою речь, Элленбоген предложил следующую резолюцию:

«Собрание протестует против того, чтобы властелин, страна которого служит ареной страшной дезорганизации и который не может положить конец жестокостям собственных чиновников и вызываемым ими беспорядкам, погромам и массовым убийствам, был признан способным водворить порядок в другой порабощенной стране, и заявляет, что унизительно для Австрии вступать с таким человеком в соглашение для совместного действия на Балканах» *.

«Собрание выражает тем 120 миллионам несчастных, которые, как обитатели России, стали жертвой кровожадности и неспособности к управлению царя Николая II, и в особенности тем героям-революционерам, которые борются с массовым убийцей, сидящим на троне, свои глубокие симпатии и свое восторженное удивление».

«Свободно и человечески настроенное население Австрии усматривает в назначенном на завтра визите русского царя оскорбление своих чувств».

«Собрание энергичнейшим образом протестует против того, чтобы человек, который все естественные народные побуждения старается утопить в крови благороднейших людей, весь жизненный путь которого на каждом шагу протекает в стонах голодающих и среди проклятий и предсмертных конвульсий казненных борцов за свободу, мог рассматриваться как гость австрийского населения».

Правительственный комиссар нашел эту резолюцию чересчур резкой и не допустил ее до голосования. «Товарищи»! — сказал тогда Элленбоген. — «Свою солидарность с резолюцией мы можем выразить тремя словами: «Долой русский царизм!». Присутствующие, как один, подхватили этот возглас и три раза повторили его. С пением «Рабочей песни» и «Марсельезы» рабочие стали очищать зал. На улице стояла масса городовых, которые отрезали все пути, ведущие к русскому консульству, охраняемому отрядом конных и пеших жандармов. Рабочие из-за этих предосторожностей принуждены были разбиться на группы и, оглашая воздух протестами против русского царя и абсолютизма в России, демонстративно проходить по центральным улицам города. Демонстрация приняла грандиозные размеры. Полицейские мирным образом старались водворить порядок и арестовали двух демонстрантов за нарушение общественной тишины.

Я уже был далеко от места собрания, а ко мне все еще доносилось: «Долой русского царя!». «Да здравствует русская социал-демократия!».

[В. Вегман]

* Этот пункт будет понятен, если вспомним, что по официальным сообщениям события на Балканах побудили царя приехать в Австрию для личных переговоров с Фр.-Иосифом.

ИЗ ПАРТИИ

В июле Сибирским союзом [24] было издано на мимеографе «Письмо к товарищам», разосланное в другие русские комитеты, в котором он высказывает свои взгляды и план организации местных групп Партии вообще и в частности Сибирских Комитетов и Союза. Считаем необходимым сделать некоторые выдержки из этого письма, характеризующие организационную точку зрения Союза. Ставя своей неотложной задачей связать живою связью деятельность Комитетов с общерусской партийной работой, сделать первую интегральной частью второй, он не находит в настоящее время иной возможности выполнить эту задачу, как путем строгой централизации, путем полного подчинения интересов местных интересам общерусского движения, интересов комитетов интересам центра, обслуживающего партию в целом. Кратко говоря, «Сибирский Союз» стремится стать, по его выражению, «агентом общерусского центра, способствуя осуществлению его планов»... На свое собственное существование, как порайонной организации, он смотрит как на временное явление, неизбежное для переходного периода реорганизации партии. «С возникновением же партийного центра, становящегося в непосредственные отношения ко всем российским комитетам, «Сибирский Союз» не видит никакого основания к самостоятельному существованию порайонных организаций»... и «Союз готов немедленно изменить свою организацию или даже совершенно исчезнуть как самостоятельная порайонная организация... если такое изменение Ц. К. признает целесообразным в видах общепартийного дела»... «освободиться от революционного кустарничества (как практического, так и организационного) это не значит: ждать и ждать... пока образуется общерусский центр, «смилостивится» над нами и освободит нас от терзающего нас недуга... В организациях, зараженных кустарничеством, нередко существует вредный предрассудок, будто тот или те, кто заняты местной работой (вернее: работой в том или в другом месте), те ни в коем случае не могут быть заняты общерусской работой. Одно из двух, говорят защитники этого взгляда; или работа в данном месте или общерусская работа, понимая под ней работу центра... Отсюда вывод: мы у себя будем делать свое дело, местное дело... а «они», кто-то, «центр», образуются, об'единят нас, и с головы, на которой мы стоим в настоящее время, поставят нас на ноги.

Именно такое поверхностное, чисто географическое определение революционной работы на местах и не менее узкое понимание общерусской работы ведет к тому, что многие организации (фактически) знать ничего не хотят, кроме «нашей», местной работы, ухлопывая на нее 90% своих средств и сил... И, конечно, поскольку такое узкое понимание дела будет жить среди российских организаций, постольку и дело «фактического восстановления Р. С.-Д. Р. П.» в форме крепкой, устойчивой централизованной организации в ближайшем будущем будет весьма и весьма проблематичным. Принципиальный характер постановки дела на местах — вот что определяет, по нашему мнению, есть ли данное дело «кустарничество» или действительно революционная работа. Только такое понимание революционной работы дает безграничный простор деятельности каждому социал-демократу, в каком бы углу России он ни работал. Социал-демократу, работающему в том или ином месте, не придется ни отчаиваться ни бежать «за тридевять земель» ближе к центру, чтобы там, только там, развернуть свои силы и способности. Раз революционная организация (где бы она ни была) на

первое место ставит интересы движения в его целом, а затем лишь «свои», «наши местные», строго соблюдая и подчиняя эти последние первым, такая организация лишь постольку является «местной», поскольку географически она находится в том или ином месте. Выполняя общую работу в интересах движения в его целом, такая организация в самом деле (а не номинально) становится членом Р. С.-Д. Рабоч. Партии. Поэтому в настоящее время каждый социал-демократ, каждая социал-демократическая организация, ясно представляющая себе важность настоящего момента, обязаны активно вмешиваться в этот процесс освобождения от стихийности, обусловливающей всеобщую раз'единенность, принципиальную приниженность и организационное бессилие»...

Вот полный список листков, распространенных одесским комитетом за время с 15 июля по 15 августа (часть этих листков была отмечена в предыдущих номерах). За время июльских событий Одесским Ком. выпущены следующие листки: «По поводу стачки жел.-дор. рабочих» 5.000 экз., «К портовым рабочим» №№ 1 и 2 по 500 экз., «К рабочим-забастовщикам» 3.000 экз., «К кондукторам и кучерам одесских трамваев» 500 экз., «К морякам-солдатам, посланным на место забастовщиков» 600 экз., «Бюллетень» (о стачках 14 и 15 июля) 3.000 экз., «Ко всем» (призыв к всеобщей забастовке с «Марсельезой» на обороте) 2.000 экз., «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» 2 вып. по 2.000 экз., «К рабочим и работницам» (по поводу событий в Одессе) 5.000 экз., «К гражданам» 1.000 экз., «К солдатам» 1.000 экз., «Что такое политическая свобода» 8.000 экз. Кроме того распространено изд. Орг. Ком. «О златоустовской бойне». В начале августа вышло: «О независимых» 5.400 экз., «О фабричных старостах» 5.000 экз., «Как они изворачиваются» (разговор Лопухина с рабочими) 5.000 экз. Всего с 15 июля по 15 августа 49.500 экз. В сентябре Одесск. Ком. выпустил: 1. «К новобранцам», 2. «Предостережение» (относительно Лернера). Пермским комитетом Р. С.-Д. Р. П. изданы: 1. Рабочий Бюллетень № 6 (август), 2. Заявление Пермского Комитета Уральского Союза о присоединении его к Пермск. Ком. Р. С.-Д. Р. П., 3. Листок по поводу суда над ростовскими демонстрантами (сентябрь). Средне-Уральский Ком. Р. С.-Д. Р. П. в листке № 1 об'являет об образовании Комитета. Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П издал 20 августа листок: «Значение всеобщей стачки в освободительной борьбе русского пролетариата» и 4 сентября «Кто победил?» (с перечислением экономических завоеваний, достигнутых всеобщей стачкой в Киеве). Спбургский Ком. Р. С.-Д. Р. П. распространил в июле: листок 1. «К семянниковским рабочим» (по поводу ожидавшегося посещения царем семянниковского завода), 2. заявление Комитета о присоединении к нему соц.-дем. группы, работавшей раньше самостоятельно. В августе Комитетом издан листок по поводу всеобщей забастовки на юге. Кавказский Союз издал следующие листки: «Самодержавие и армяне», «Маска сорвана» (по поводу письма Плеве к католикосу), «Братцы-солдаты». Кроме того нами получены следующие листки: 1. Военно-революционной организации «Солдаты» (призыв встретить царя на смотру гробовым молчанием), изд. в августе; 2. Армянского Центрального Комитета самообороны «Русские граждане» (по поводу закона об отнятии у армян права распоряжаться церковными имуществами), 3. первый листок вновь образовавшейся на Дону организации «Казацкая воля». После заявления Иркутского Комитета о своем преобразовании в Комитет Партии (см. № 37 «Искры»), им изданы были следующие листки: 13 февраля № 21, по поводу арестов: 19 февраля № 22 посвящен памяти этого дня; 28 февраля — № 23, о томской демонстрации 20 февраля (перепечатано с листка револ. с.-д. группы в Томске); 12 марта — № 24, по поводу приезда ф.-Валя; 24 марта — № 25, о забастовке в промышленном училище; 25 марта — № 26, о голодовке политических арестованных в тюремном замке, вызванной посещением ф.-Валя; 15 апреля — № 27, к солдатам и казакам (на красной бумаге), о златоустовской бойне и предстоящем рабочем празднике. После 1 (18) мая (отпраздно-ванного там небольшим рабочим собранием за городом) Иркутским Комитетом выпущена прокламация «К иннокентьевским рабочим» № 28, по поводу стачки в депо; № 29, к строительным рабочим подрядчика Чикарева (станция Иннокентьевская), о стачке из-за расчета; 24 июня — № 30, по поводу закладки памятника Александру III в г. Иркутске. Елисаветградский Комитет в письме в редакцию дает чрезвычайно лестную для нас характеристику деятельности «Искры» и, об'являя ее своим руководящим органом, выражает надежду видеть ее в скором будущем официальным органом об'единенной Росс. С.-Д. Рабоч. Партии.

В редакцию «Искры». Дорогие товарищи! В виду того, что появившийся в заграничной печати обвинительный акт по нашему делу может вызвать недоумение у читателей, я считаю нужным заявить, что товарищи: Арон Шпайзман, Маня Школьник и Давид Ройтенштерн ничего общего с типографией «Искры» не имели и о существовании ее в г. Кишеневе даже не подозревали. Давать более подробные об'яснения по этому поводу я не нахожу возможным до суда.

Леон Гольдман.

Письмо в редакцию. Уважаемые товарищи! К помещенной в № 48 «Искры» статье под заглавием «Русский царь и итальянские социалисты» я считаю нужным прибавить несколько слов, и я надеюсь, что редакция «Искры» не откажется поместить их в ближайшем номере.

Как уже известно читателям «Искры», в одном из последних номеров «Рев. Росс.», по поводу отчета о последнем заседании международного социалистического бюро, между прочим, было сказано: «Нас удивляет, что в отчете не указано, высказывался ли и в каком именно духе единственный представитель русских социалистов на конференции». На эту выходку «Рев. Росс.» я не считал, да и теперь не считаю, нужным отвечать. Но, повидимому, не так думает автор статьи в № 48 «Искры». Он по этому поводу возражает: «Чтобы успокоить «Рев. Росс.», приведем мнение товарища Плеханова, официального представителя в бюро, высказанное им в интервью с корреспондентом миланской социалистической газеты «Tempo». Я оставляю сейчас в стороне вопрос о том, официально или неофициально заседаю в бюро я: в данном случае меня интересует не это. Но я считаю необходимым прибавить, что, поскольку речь идет о мнении, автору упомянутой статьи не могло не быть известным, что у меня было очень определенное мнение по данному вопросу, в доказательство чего он мог бы привести тот факт, что я подавал голос за сочувственную итальянцам резолюцию. Мне кажется это не менее убедительным, чем разговор с корреспондентом.

Что же касается упрека, брошенного «Рев. Росс.», то я считаю себя ответственным только перед теми, кто меня послал в бюро, а отнюдь не перед «Рев. Росс.».

Б. Гинзбург.

Ни редакция «Искры», ни автор статьи в № 48 не сомневаются в том, что товарищ Гинзбург имел определенное мнение по данному вопросу. Если автор статьи сослался на слова Плеханова, то он сделал это, чтобы сообщить читателям добавочные сведения об инциденте, а отнюдь не для того, чтобы намекнуть на неофициальный характер присутствия в бюро товарища Гинзбурга. Товарищ Гинзбург напрасно видит тень обиды там, где ее нет и следа.

Редакция.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Обыски и аресты. С.-Пбург. Арестована фельдшерица Рожд. барака Морозова, у нее было три обыска; первый раз ничего не нашли, второй — после того как ее задержали в жанд. упр. на допросе, и третий — в пустом интернате, где вырыли из шкафов, говорят, пять корзин. 13 авг. был обыск в больнице Всех Святых, что за Нарвскими воротами, и на квартирах персонала: д-ра Латухина, фельдш-ц: Александровой и Непомнящей. Аресто-

ваны рем. Рубин и Леонид. Освобождены: раб. Корчевский, Шнеерсон, Баранова, раб. Белов, Рунин, Стерн и др. Пермь. Арест. рабоч. Шапков из жел.-дор. мастерских; 28 авг. были обыски у жел.-дор. Матвеева, Еленева, Валаева, Базаркина, Воскресенского, Кузьминых и в жел.-дор. библиотеке. Воскресенский и Кузьминых арестованы и через неделю выпущены. Поводом к обыскам послужил, как говорят, адрес, поднесенный железнодорожниками Матвееву и Еленеву, уезжающим в ссылку. Орехово-Зуево. 24 августа арестов. рабоч. Бородулин, Мельников, Быстрилин, Воронцов, Годунов, Скворцов, Тришкин, студ. Рождественский. Все, кроме Тришкина, в Таганке. Аресты производил жанд. офицер из Москвы Мартынов. Выпущены 6 и 7 июня Анкиров, Игнатов. Одесса. Арестованы и привлекаются по делу с.-д.: София Ритман, учительница; Рахиль Бройтман, модистка, за распространение литературы; Катя Рискинд, акушерка, и Маша Радус, модистка, обе за разбрасывание прокламаций в театре; Фаня Фуке, работ-ца фабр. Конельского, за стачку; Настя Киржнер, модистка; Вера Пасевич, за распространение литературы; Шейна Гринштейн, конвертница, за разбрасывание прокламаций Бунда в синагоге; Маня Уфангер, взята на демонстрации; Раиса Беринская, чулочница, взята на улице. По делу с.-р.: Ревекка Шейнер, модистка, Малка Римерман, чулочница, Евгения Беккер, интеллигентка, Маня Спивак, Александра Гориновская, все по делу типографии; Ида Айзенберг (пропаганда, хранение литературы); Зина Быстрицкая, квартирная хозяйка; Саша Клигман, белошвейка, Поля Гитник, акушерка, Фаня Гитник, белошвейка, взяты на конспиративной квартире. В Киеве арестован только что выбранный староста токарного цеха Сенаторов. То же самое правительство проделало и со старостами в Николаеве. Красноярск. В начале сентября произведена масса арестов. Взята типография, четыре пуда шрифта, много уже изготовленного материала; аресты продолжаются, всего до половины сентября арестовано интеллигентов и рабоч. более сорока челов. Все основания предполагать донос. Николаев. В ночь с 6 на 7 сентября здесь арестована типография с 15 пуд. шрифта; на той же квартире взято также 15 тысяч экз. нелегальной литературы («Рабочее дело в России», «Чего хотят социал-демократы», «Долой социал-демократов», «Женщина-работница», «Милитаризм и рабочий класс», «Кишиневская резня» и др.). Там же были арестованы: Матвей Сендерович, Симон Бланк, Анна Файнзильберг и Анна Равич. В ту же ночь на своей квартире был арестован Григорий Зив (инт.). — Батум. За последнее время здесь произведена масса арестов. Между прочим взяты: М. Каландадзе, Г. Туския, Иос. Какабадзе и Ив. Гервасп. Двум последним заковали руки в цепи и так повели в тюрьму через весь город среди бела дня. — Иркутск. С января до мая здесь произведены были небывалые аресты. В общем более 40 человек. Несмотря на злостную болтовню арестованной фельдшерицы Божедомовой, купившей себе свободу предательством и тенденциозным лганьем, аресты эти совершенно не затронули Комитета, хватали первых попавшихся. Так был арестован и продержан две недели старый ссыльный, народоправец Тютчев, по обвинению в участии в местном социал-демократическом комитете. До сих пор (июнь) в тюрьме остается еще до 20 человек (человек пять рабочих, остальные интеллигенты). После 18 апреля арестован бывший студент Лакуциевский и его брат. Освобождены: ссыльные С. Н. Тютчев, М. С. Гутовская; фельдшерицы Гершевич и Суссер, Аншелег и сестры его, Гудович (раб.), Глушкин и много др.

Отправлены в Восточную Сибирь. Из Петербурга (7 июля) увезли партию политических: Л. П. Буланов (по делу соц.-революционеров, сидел в крепости), И. А. Крейнерт, Г. А. Харизоменов, Д. Е. Кулачин, И. К. Скаличев (все по делу с.-р.), Абрам Гинзбург (по делу с.-д., был в крепости), Комай (на 8 л. Якутской обл., по делу «Раб. Библ.», сидел 2½ г.), П. Н. Лепешинский (по делу «Искры»), Ив. Ив. Радченко (тоже), А. Эд. Рерих (Петерб. орг. с.-д.). В Москве из Бутырки С. И. Бариков (на 6 л.), Барикова-Чернова (с.-рев., на 3 г.), А. Севастьянова (соц.-рев., на 6 л.), А. А. Чепик (соц.-рев., на 4 г.). Из Кишинева, Д. Ройтенштерн (по делу типографии «Искры», на 10 л.). — Из Одессы. — Л. Холойдовский (раб.), Нат. Зильберг, Осип Ярошевский, Гольдвейберг, Лиза Простерман и Мария Галкина (все по 3 г.), Лев Злочевский на 4 г. — Из Чернигова: Ольга Вербицкая на 3 г. — Из Саратова: Сергей Фофанов и Елена Ошанина (по делу демонстрации) лишены прав, на вечное поселение. Из Варшавы. Борис Розенфельд, на 3 г. — Из Лодзи: Поля Гиршфельд на 4 г., Винницкая, с двумя детьми, едущая к мужу. — Из Орла 3 сентября отправлены этапом одесситы И. Г. Ройзман на 5 л. Якутской обл., Е. М. Ройзман (его жена) на 3 г. Якутской обл. и Штейнбах на 5 л. Якутской области. — Из Орехова-Зуева. — Краснянский и Рудаковский на 5 л.

В Якутской области окончили срок ссылки и вернулись в Россию в этом году: 1) из Вилюйска — Борейша, 8 л. (по д. одесск. гр. народовольцев); 2) из Верхоянска Абрамович, 5 л. (по делу П. П. С.), Веселовский, 6 л. (по делу Польс. С.-Д.), Меликовский, 5 л. (по д. Бунда); 3) из Вилюйска Шедлих, 8 л. (по делу П. П. С.); 4) из Олекминска: Грапп, 4 г. (по д. Бунда), Погожельский, 6 л. (по делу П. С.-Д.), Александров, 5 л. (по делу народовол. тип. в Петербурге на Охте).

Постановление по делу Музиля.

Комиссия из представителей революционных организаций: Партии Социалистов-Революционеров, Аграрно-Социалистической Лиги Всеобщего Еврейского Рабочего Союза, Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии, Союза Русских Социал-Демократов, Группы «Свобода»[25], Группы «Борьба»[26] и Группы Анархистов-Коммунистов, собравшаяся для рассмотрения дела по обвинению Н. И. Музиля в политическом шпионстве,

1. на основании сведений, доставленных всеми лицами, от которых это обвинение исходило;

2. на основании всех сведений от лиц и организаций, знавших Музиля раньше или сталкивавшихся с ним в Болгарии, находит единогласно, что она должна отвергнуть полностью обвинение, направленное против политической чести Николая Музиля.

(Следуют подписи).

Примечание. Представитель С. Р. С.-Д., за отсутствием из Женевы, в последнем заседании Комиссии не участвовал.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Кину. Статья и корр. получены только теперь, спасибо, воспользуемся. — Москвичу О. О. О. Материал только что получен. — 34 Ж. По тому адресу, по которому пишете, можно посылать и корреспонденции, просто в обыкновенных письмах. — Адресом № 16 просим пользоваться возможно реже. — Туре. Письмо получено, но прочесть нельзя: бумага скверная. — Искрянам. Ждем обещанного адреса.

По недостатку места отложены до следующего №: статья «Л. Н. Тостой и соц.-дем.» (по поводу 75-летия Л. Толстого); письмо ссыльных из Вост. Сибири; корреспонденции из Чернигова, Борисоглебска, Уфы, Либавы, Одессы и др.

На-днях выходит брошюра: «Таганрогский процесс по делу ростовской н/Д. демонстрации 2 марта (обвинительный акт, речи двух защитников и рассказ о суде)».

Получено: со священной горы — 89 фр.; от женевской группы —121.75 фр.; от старого соц.-демократа — 100 фр.; от «черных глаз» — 40 фр.: из F. in K. — 20 мар.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Речь идет о Дрезденском партейтаге, происходившем в июне 1903 г. По вопросу о тактических задачах партии партейтаг большинством 288 голосов против 11 (Бернштейн, Давид, Эльм и др.) принял резолюцию, решительно осуждающую политику ревизионизма. Партейтаг запретил соц.-дем. литераторам участвовать в буржуазной прессе и высказался против выставления социал-демократической фракцией в рейхстаге своего кандидата на пост вице-председателя. См. также № 48 «Искры»: «С'езд германских социал-демократов».

Прим. 2. Речь идет о статьях Г. В. Плеханова, напечатанных в виде открытого письма к К. Каутскому в «Sächsische Arbeiterzeitung» за 1898 г. (№№ 253—255). 3—8 октября в Штутгарте заседал с'езд германской социал-демократии, к которому Бернштейн обратился с изложением своих взглядов. Отвечая на упреки тогдашней левой во главе с Р. Люксембург, Каутский в своей речи между прочим сказал: «Бернштейн не обескуражил нас, но заставил нас размышлять, будем ему за это благодарны». Ответом на эту благодушную речь Каутского и явилось открытое письмо Плеханова под заголовком «За что нам его благодарить?». Доказывая теоретическую беспочвенность предпринятой Бернштейном ревизии марксизма и требуя более резкого отношения к оппортунизму, Плеханов заканчивал свою статью утверждением, что «сейчас речь идет вот о чем: кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном, или Бернштейну социал-демократией». (Собр. соч., т. XI).

Прим. 3. «Die Voraussetzungen des Socialismus» — «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899 г.) — так называлась известная книга Бернштейна, в которой он пытался дать теоретическое обоснование ревизионизму.

Прим. 4. Плеве, фон, В. К. (1846—1904 г.г.) был назначен министром внутренних дел после убийства Сипягина в апреле 1902 г.

Прим. 5. «Московские Ведомости» — см. прим. 5-е к № 6 «Искры».

Прим. 6. «Новое Время» — см. прим. 1-е к № 6 «Искры».

Прим. 7. «Союзный Комитет Р. С.-Д. Р. П.» на Кавказе — см. прим. 11-е к № 40 «Искры».

Прим. 8. Дело Золотовой — см. «Искра» № 22, ст. «Блюстители правосудия» и «Искра» № 34, ст, «Изволят тешиться».

Прим. 9. «Последние Известия» — см. прим. 1-е к № 39 «Искры».

Прим. 10. Заявление Бунда об О. К. — см. «Искра» № 33, ст. «По поводу заявления Бунда».

Прим. 11. Казнь Г. Леккерта — см. прим. 5-е к № 22 «Искры».

Прим. 12. «Фонд Вольной Русской Прессы» — народническое издательство, основанное в Лондоне в 1891 г. С. М. Кравчинским (Степняком), Н. В. Чайковским, Л. Е. Шишко, Ф. В. Волховским и М. Войничем (И. Кельчевский). Целью его было издание и распространение нелегальных брошюр и периодического издания «Летучие листки».

Прим. 13. Южн. Р. Группа Учащейся Молодежи (бывш. Ю. Р. Г. У. средн. школ) — см. прим. 11-е к № 36 «Искры» и «Искру» № 36: «К движению среди учащейся молодежи».

Прим. 14. Знаменитые дни одесской всеобщей стачки — см. корреспонденции в «Искре» № 45: «Всеобщая стачка в Одессе», «Одесса», «Одесса» и «Одесса», № 46: «Всеобщая стачка в Одессе», и «Одесса», № 47: «Еще об одесских событиях» и «Одесса», № 48: «Одесса».

Прим. 15. Речь идет о «законе о фабричных старостах», изданном по инициативе министерства финансов и утвержденном Гос. Советом 10 июня 1903 г. См. о нем «Искра» № 46, ст. В. И. Ленина «Эра реформ», № 47, ст. «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев».

Прим. 16. «Социал-демократическая федерация» — это название приняла на своей 4-й конференции 4 августа 1884 г. «Демократическая федерация», основанная в 1881 г. английскими последователями Маркса во главе с Гайндманом. В 1884 г. выяснилось, что, несмотря на свои очень небольшие размеры, федерация об'единяет крайне разнородные элементы: революционных социал-демократов, парламентских сторонников социальной реформы, анти-парламентских социалистов и анархистов. В конце декабря 1884 г. произошел раскол, приведший к образованию «Социалистической Лиги», нежизнеспособной и вскоре распавшейся организации (1890 г.). В 1900 г. социал-демократическая федерация вошла в «Комитет рабочего представительства», но потребовала, чтобы последний поддерживал только тех кандидатов, которые «признают социалистическую конечную цель и классовую войну, как базис политической деятельности рабочего класса». Предложение С.-Д. Ф. было отвергнуто, и в 1901 г. С.-Д. Ф. вышла из Комитета. В 1911 г. на конференции в Манчестере с.-д. федерация, преобразованная в 1908 г. в с.-д. партию, с рядом организаций, отколовшихся от Незав. Раб. Партии, основывает Британскую Социалистическую Партию. Во время войны партия раскалывается на левое — интернационалистское — крыло и правое — патриотическое. В 1916 г. социал-шовинистские элементы, руководимые Гайндманом, выходят из партии и основывают отдельную национал-социалистическую партию. В 1920 г. Британская Социалистическая Партия составила ядро образовавшейся английской коммунистической партии.

Прим. 17. «Независимая Рабочая Партия» Англии — «I. L. P.» — реформистская организация — основана в 1893 г. рабочими-социалистами и вождями профсоюзов Шотландии и Северной Англии. По словам программы, целью партии является «промышленная республика, основанная на социализации земли и капитала», а средством достижения этой цели «воспитание общества в принципах социализма». Признавая необходимость политической борьбы рабочего класса, партия, тотчас после своей организации, развила энергичную работу в трэд-юнионах, привлекая широкие рабочие массы к политической деятельности. „Н. Р. П.“ явилась инициатором создания «Английской Рабочей Партии», деятельностью которой фактически руководит. Во время мировой войны большинство партии занимало пацифистскую позицию. В 1920 г. независимая партия вышла из II Интернационала и явилась одним из инициаторов создания $2^1/_2$ венского Интернационала. В 1922 г. партия снова вернулась во II Интернационал, в котором состоит и теперь. После окончания войны в партии возникло довольно сильное левое крыло, которое впоследствии откололось от Н. Р. П. и вошло в Английскую Коммунистическую Партию.

Прим. 18. «Фабианское общество» — «Fabian Society» — мелко-буржуазная организация, об'единившая в своих рядах журналистов, писателей, экономистов, политиков, профсоюзных деятелей. Основано в 1883 г. Томасом Давидсоном и названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора (т. е. медлителя). Ближайшей целью фабианцы ставили пересмотр английской конституции в демократическом духе и пропаганду умеренных социалистических идей среди рабочих и буржуазии. Относясь

отрицательно к социальной революции, фабианцы стремились уничтожить классовый дух социалистических идей, сделать их приемлемыми для капиталистов и путем социальных реформ смягчить классовую борьбу. «Фабианское Общество» примыкает к Английской Рабочей Партии.

Прим. 19. «Комитет представительства труда». В 1899 г., под влиянием Независимой Рабочей Партии, Плимутский конгресс рабочих союзов поручил своему парламентскому комитету созвать с'езд представителей от рабочих и социалистических организаций для рассмотрения вопроса об увеличении числа рабочих депутатов в парламенте. Была организована комиссия из представителей различных рабочих организаций. С'езд, на котором присутствовало 120 представителей трэд-юнионов и социалистических организаций, состоялся в 1900 г. Он одобрил предложенный комиссией устав и выбрал «Комитет рабочего представительства», который позже был переименован в «Рабочию Партию» («Labour Party»).

Прим. 20. Чемберлен Джозеф (1836—1914) — горячий сторонник политики империализма и первый колониальный министр Англии. Руководитель либеральной партии до 1885 г., когда из-за разногласий с Гладстоном по вопросу об ирландском «гомруле» вышел из партии и покинул пост министра торговли и промышленности (1880—1885). С этого времени Чемберлен становится одним из руководителей либеральной унионистской партии, а позже вождем соединенной либерально-консервативной оппозиции против министерства Гладстона. С 1895 г. — стал министром колоний в консервативном министерстве Салисбери, душой которого он был, не будучи премьером. Д. Чемберлен получил прозвище отца английского империализма.

Прим. 21. «Arbeiter Zeitung» — «Рабочая Газета» — центральный орган австрийской социал-демократии, основанный В. Адлером.

Прим. 22. Подвиги русского правительства в Вильне, Златоусте, Ростове, Кишиневе, Батуме — см. «Искру» № 21: «Из Вильны». № 29: «Борьба ростовских рабочих», № 30: «Ростов-на Дону», № 31: «Ростов-на Дону», № 32: «Значение ростовской стачки», «Ростов-на Дону», № 36: «Новая демонстрация рабочих в Ростове-на Дону», № 37: «К ростовской демонстрации 2 марта», № 38: «Ростовская демонстрация 2 марта», № 39: «Ростов-на Дону», № 37: «Трагедия в Златоусте», «Позднейшее сообщение», № 38: «С Урала», № 39: «Последняя карта царизма», «Кишиневские события», «Времена меняются», № 40: «Антисемитская печать, правительство и погромы», «Правда ли это», «Еще о кишиневском погроме и о роли в нем правительства», № 43: «Последствия погрома в Кишиневе», «Комедия судебного следствия в Кишиневе», № 37: «Снова кровь», № 46: «Батум».

Прим. 23. Подвиги фон-Валя в Вильне и Богдановича в Златоусте — см. «Искру», № 21: «Из Вильны», № 37: «Трагедия в Златоусте», «Позднейшее сообщение», № 38: «С Урала», «Приложение к № 48 «Искры» Обвинительный акт по Златоустовскому делу».

Прим. 24. «Сибирский Союз» — см. прим. 10-е к № 40 «Искры».

Прим. 25. «Свобода» — см. прим. 4-е к № 26 «Искры».

Прим. 26. «Борьба» — заграничная группа соц.-демократов, близко стоявших к «Искре», но стремившихся к примирению «Искры» с экономистами из «Рабочего Дела». Группа состояла из Д. Рязанова, Ю. Стеклова (Невзоров) и Э. Гуревича (В. Даневич). После неудачи так называемого «об'единительного» с'езда в октябре 1901 года, не считая для себя возможным примкнуть к одному из борющихся направлений, образовали самостоятельную литературную группу «Борьба». Группа «Борьба» критиковала организационные идеи, тактику и программу «Искры». Главные издания группы: три выпуска «Материалов для выработки партийной программы», «Социал-демократический календарь на 1902 г.» и «Летучий Листок» № 1. Группа существовала до II с'езда Р. С.-Д. Р. П.